

Маленькие женщины

Автор:

Луиза Олкотт

Маленькие женщины

Луиза Мэй Олкотт

«Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт – это роман, на котором воспитывалось не одно поколение читателей по всему миру. Впервые опубликованное в 1868 году в США, это произведение было переведено более чем на 50 языков и положено в основу шести фильмов, четырех телесериалов, нескольких опер и спектаклей. История семейства Марч, в котором подрастают четыре дружные, но непохожие друг на друга сестры, включает в себе узнаваемые перипетии юности, взросления, дружбы и любви.

Российским читателям «Маленькие женщины» известны по переложению романа для среднего школьного возраста, которое, однако, не отражает всех художественных достоинств текста. В настоящем издании впервые публикуется новый перевод Ирины Бессмертной, для которого характерно чуткое соблюдение той языковой манеры, которая была присуща самому автору книги. Нарочитая неправильность речи ряда персонажей, характерные для той эпохи жаргонизмы, а также придуманные героинями и используемые в домашнем обиходе слова придают тексту аромат XIX века. Такой изобретательный подход к переводу романа весьма расширяет его аудиторию и способен заинтересовать как юных, так и взрослых читателей.

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Предварение переводчика

Заметки о языке «Маленьких женщин»

Читая статьи, рассказы и особенно большую прозу, мы порой встречаем авторский прием, который называется лирическим отступлением и представляет собою полет мысли автора в высокие сферы, чаще всего весьма удаленные от предмета обсуждения. Я же позволю себе начать с лирического вступления.

Мы рождаемся на свет и сразу, еще до того, как начинаем это осознавать, погружаемся в незнакомую нам стихию родной речи, родного языка, так же как неопытный пловец погружается в неожиданно открывшееся перед ним водное пространство. Как и он, мы поначалу беспомощно барахтаемся в этой новой для нас стихии, постепенно привыкая, обретая знание и понимание среды, объявшей нас со всех сторон, обретая, наконец, и умение владеть ею достаточно свободно, чтобы существовать в ней спокойно и удобно. И как уже упомянутый пловец не сразу замечает, что температура воды и скорость ее течения постепенно изменяются – ведь его тело уже привыкло приспособливаться к изменениям водной среды, – мы мало внимания обращаем на изменения, происходящие в привычной нам среде языковой. Нет, конечно же, мы замечаем появление в нашей речи новых слов, иногда даже возмущаемся: «Зачем было менять привычное русское слово „магазин“ на нелепое „универсам“?!» И – через несколько лет: «Ну вот, заменили привычный „универсам“ на какой-то там „супермаркет“!» А о замене русского «кафе» на «кофе-хаус» уж и говорить нечего! Я вовсе не против заимствований – они не страшны, ненужные все равно не приживутся, а нужные станут родными, как стали русскими «магазин» и «кафе», и я вообще собираюсь говорить не об этом.

Не замечаем мы исчезновения неповседневных, необходимых слов, не замечаем и изменений в темпе и в самом характере речи. Но увидеть, как поменялась наша речь, можно, читая литературу прошлых веков, вглядываясь в то, что и как сказано, удивляясь языку наших предшественников и не сердясь на них за то, что они говорят не совсем так, как мы.

Роман «Маленькие женщины» американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, который она называла семейной драмой, вышел в середине XIX века, в 1868 году, вскоре после окончания Гражданской войны между северными и южными штатами США. Книга создавалась «для детей и юношества», то есть для детей тринадцати лет и старше, и – несомненно – для их родителей, поскольку это книга о воспитании Человека. Язык книги несложен, хотя довольно значительно отличается от современного. И не только непривычными для нашего слуха словами, но и самим характером и строем речи. Вполне возможно, что без этого предварения (как сказали бы тогда!) читатель не заметил бы никаких особенностей, но обратите внимание: речь была более пространной, неспешной, предложения могли занимать 12–15 печатных строк, а порой и более, и в этих предложениях не исчезали такие союзы, как «что» (например, «Мне кажется, [что] она ни слова не поняла!»). В те времена люди не избегали использования обособлений в своих высказываниях – то есть вставных слов и выражений, делавших речь более раздумчивой или более вежливой и приятной собеседнику; некоторые теперь привычные нам выражения звучали мягче, – например, пожилую женщину, никогда не бывшую замужем, называли не старой девой, а старой девушкой; не принято было восклицать удивленно-возмущенно «Да вы/ты что?!», а если подобным образом и восклицали, то более вежливо: «Да что вы/ты?» На месте нынешнего винительного падежа гораздо чаще употреблялся родительный, например: «Чего же еще ждать от такого проказника?»; «Ему никогда не приходилось слышать подобной музыки»; «Чего желаете?» и т. п. Значительно чаще, чем сегодня, употребляли, даже предпочитали полные формы личных местоимений в косвенных падежах: «со мною», «перед нею». И сослагательное наклонение в вопросах, предположениях и просьбах: «Мне казалось бы, что у вас хватает и вкуса, и таланта...» Да много еще всего. Ну и конечно же, слова.

Не злоупотребляя стилизацией, я тем не менее использовала в переводе – чтобы сохранить аромат XIX века – некоторые широко употреблявшиеся в то время и в тех общественных кругах слова и выражения, например «скандализовать», «скандалёзный» (не «скандальный»!). Синоним «возмущать» не передает полного смысла этого глагола, а прилагательного теперь вообще не существует в русском языке. Оно исчезло, как исчез тот общественный круг, где оно

употреблялось. Значение глагола «скандализовать» – возмутить поведением, видом, поступком, не приличествующим данному обществу и могущим вызвать сплетни, то есть «скандал», отсюда и «скандалёзное» поведение, событие и т. п. Примерно то же можно сказать о почти исчезнувшем глаголе «skonфyзиться». Правда, он не столь социально обусловлен, как упомянутый выше, но значение его также не вполне передается синонимом «смутиться», поскольку смущаемся мы по многим причинам, а конфyзимся – понимая, что сделали что-то не так, как следовало бы. Встретится в романе и необыкновенное теперь словечко «удоволен» (в псалме XVII века), и просторечное «удрать (хитрую) штуку», «бивуак» (не «бивак»!), не говоря уже о все еще употребимых, но явно «старинных» словах, вроде «весьма» или «ибо», тогда употреблявшихся гораздо чаще, чем теперь, и еще не казавшихся старинными. И естественно, в те времена местоимение «Вы» вместо «ты» использовалось не только в обращении детей к родителям, но и в отношениях между супругами и между юными леди и юными джентльменами (от 13 лет)!

Есть и еще особенность: текст романа изобилует неправильностями – стилистическими, орфографическими, пунктуационными. Неправильно говорит и пишет неграмотная служанка, путает и соединяет части разных «умных» слов одна из девочек, не овладевшая к тому же правилами письма и пунктуации. Есть несколько жаргонизмов того времени, например «настоящинский», «девахи». Замечу попутно, что грубо жаргонным считалось тогда слово «зубрить», утратившее теперь свой не совсем приемлемый в «приличном» обществе характер. Есть в романе и «домашние», то есть придуманные героинями и используемые в домашнем обиходе, слова – «влюбленничанье, влюбленничать», «поведаться» – вместо «исповедаться» и др.

Мне представляется, что эти особенности не только не затрудняют чтение книги, но делают ее еще более интересной, позволяя услышать речь людей из разных слоев тогдашнего общества и воочию увидеть то, о чем в ней повествуется как бы изнутри, из «раньшего времени». Интересна она и самим сюжетом – историей возрастания четырех сестер, «веселой шайки славных девах», и тем, как рельефно через эту историю проглядывают время, повседневный быт и самая жизнь нестоличной Америки второй половины XIX века.

Скажу еще несколько слов, теперь уже об авторе, о Луизе Мэй Олкотт. Собственно говоря, она сама рассказывает о себе в своем романе, поскольку он автобиографичен, и «семейная драма» описывает жизнь и атмосферу той семьи,

где родилась в 1832 году и росла вместе с сестрами вторая из четырех дочерей, получившая имя Луиза Мэй. Однако не все в романе полностью совпадает с реальностью. Реальный отец четырех сестер не был священником: Эймос Бронсон Олкотт был довольно известным в свое время писателем, членом клуба трансценденталистов, который создали и возглавили такие крупные американские писатели, как Генри Дэвид Торо и Ральф Уолдо Эмерсон[1 - Трансцендентализм – философско-литературное течение, сформированное в XIX в. в США представителями радикальной интеллигенции бостонского «Трансцендентального клуба». Манифестом-эссе движения стал текст Ральфа Уолдо Эмерсона «Природа» (1836). Кроме Эмерсона (1803–1882), к трансцендентализму относятся Г. Д. Торо (1817–1862), Э. Б. Олкотт (1799–1888), Н. Готорн (1804–1864) и др. Трансценденталисты объединились вокруг журнала «The Dial», просуществовавшего четыре года (1840–1844). По политическим воззрениям они были аболиционистами и индивидуалистами, разделяя культ фронта, т. е. политики освоения западных территорий, что сочеталось с американским патриотизмом и американской мечтой или – в случае разочарования – оборачивалось идеями эскапизма, ухода от реальности. В философии существенное влияние на трансценденталистов оказали идеи Канта и других представителей немецкого идеализма. Христианская религия превращалась у трансценденталистов в свод нравственных идеалов, не требующих для своего осуществления института церкви. Человек рассматривался как полноправный представитель гармоничного и динамичного космического начала, а Природа наделялась неисчерпаемой духовной силой. В приближении к не испорченной цивилизацией природе, в ее интуитивном переживании и разгадывании ее символических смыслов они видели пути нравственного очищения и постижения, по выражению Эмерсона, сверхдуши.].

Мать Луизы тоже не просто работала в Обществе помощи воинам во время Гражданской войны: вполне разделяя политические взгляды мужа, Эбби Мэй Олкотт была активной суфражисткой и аболиционисткой, то есть выступала за избирательное право для женщин и за освобождение негров-рабов.

Луиза Мэй училась дома под руководством отца, и его влияние на девочку было столь же велико, как велика была их дружба. Писать и даже публиковать свои работы она начала рано – в романе об этом рассказывается весьма подробно, – но широкую известность в самой Америке и во всей Европе, включая Россию, принесла ей именно книга «Маленькие женщины» и ее продолжение «Юные жены».

Помимо писательской деятельности, Луиза Мэй Олкотт, как и ее мать, была активной суфражисткой и даже оказалась первой женщиной,

зарегистрировавшейся для участия в выборах в городские органы управления в Конкорде (штат Массачусетс).

Умерла Л. М. Олкотт от менингита в марте 1888 года, прожив всего 55 лет. Умерла она в том же году и в том же месяце, что и ее отец, лишь тремя днями позже.

В заключение хочу добавить, что до сих пор, начиная с первой публикации перевода романа в России в конце XIX века (1898), книга переводилась на русский язык в основном как детская, в несколько упрощенном виде. А ведь она, как уже упоминалось, предназначалась не только подросткам, но и взрослым. Я стремилась избежать упрощений и надеюсь, что мне удалось это сделать.

И. Бессмертная

Маленькие женщины

Глава первая

Игра в пилигримов

– Ну, без подарков и Рождество – не Рождество, – проворчала Джо, растянувшись на ковре перед камином.

– Это так ужасно – быть бедными, – вздохнула Мег, опустив взгляд на подол своего старенького платья.

– А мне кажется, это несправедливо, когда у некоторых девочек так много всяких красивых вещей, а у других совсем ничего, – произнесла маленькая Эми, обиженно шмыгнув носом.

– Зато у нас есть папа и мама, а еще у нас есть... все мы друг у друга, – откликнулась из своего уголка Бет с очень довольным видом.

При этих словах четыре юных лица, озаренные яркими бликами пылавшего в камине огня, просветлели, но тотчас снова омрачились, когда Джо грустно возразила:

– Но ведь сейчас папы с нами нет и долго еще не будет! – Джо не добавила «может быть, никогда», но, как и каждая из сестер, про себя подумала об этом, ведь их отец был теперь очень далеко – там, где шли бои[2 - Действие романа происходит во время Гражданской войны в США между северными и южными штатами (1861–1865). – Здесь и далее примеч. перев.].

С минуту девочки молчали. Потом Мег сказала уже иным тоном:

– А вы знаете, почему мама предложила нам в это Рождество обойтись без подарков? Дело в том, что эта зима будет для всех очень тяжелой, и мама полагает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, когда нашим мужчинам в воюющей армии приходится так страдать. Много мы сделать не можем, но можем принести свои маленькие жертвы, и сделать это надо с радостью. Только я боюсь, что с радостью... у меня не получится. – И Мег покачала головой, с грустью вспомнив о тех чудесных вещах, какие ей так хотелось иметь.

– А вот мне не кажется, что то небольшое, что мы могли бы потратить, пойдет кому-нибудь на пользу. У каждой из нас – всего-то по доллару, и армия не много выиграет, если мы ими пожертвуем. Я согласна вовсе не ожидать подарков ни от мамы, ни от вас, но мне так хочется купить себе книжку «Ундина и Синтрам»[3 - «Ундина и Синтрам» (авторское название «Ундина», 1811) – роман немецкого писателя и поэта Фридриха де ла Мотт Фуке (1777–1843).] – я так давно о ней мечтаю! – сказала Джо, которая была настоящим книголюбом.

– А я собиралась на мой доллар купить себе новые ноты, – сказала Бет, тихонько вздохнув, так, что никто ее вдоха не услышал, кроме метелки для каминной плиты и подставки для чайника.

– А мне хочется купить хорошую коробку фаберовских карандашей для рисования, – решительно заявила Эми. – Они мне на самом деле очень нужны.

– Мама совсем ничего не говорила про наши карманные деньги. Она и не захочет, чтобы мы отдали их все. Пусть каждая из нас купит то, что ей нужно, и у нас у всех будет порадостнее на душе. Ведь мы работаем не покладая рук, разве мы этого не заслуживаем? – воскликнула Джо, мужественно – как истый джентльмен – разглядывая набойки на своих башмаках.

– Еще бы мы не заслуживали! Я, например, чуть ли не целый день занимаюсь с моими нудными учениками, когда мне так хочется просто с удовольствием побыть дома! – начала Мег, снова обретя жалобный тон.

– Да тебе и вполнину не так тяжело, как мне, – перебила ее Джо. – Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с нервической, привередливой старой дамой, которая держит тебя на побегушках, вечно всем недовольна и доводит тебя до того, что ты готова выскочить в окно или разреветься?

– Нехорошо жаловаться, но мне, по правде говоря, кажется, что мыть посуду, бороться с пылью, убирать и приводить в порядок дом – самая худшая из всех работ на свете. Она превращает меня в злюку и делает мои пальцы такими негибкими, что я не могу как следует играть даже простые упражнения. – И Бет взглянула на свои огрубевшие руки с таким глубоким вздохом, что на этот раз его услышали все.

– А я ни за что не поверю, что кому-нибудь из вас приходится страдать больше меня! – воскликнула Эми. – Вам же не надо ходить в школу, где наглые девчонки вечно тебе досаждают, если вдруг урока не выучишь, смеются над твоими платьями и клеют на твоего папу за то, что он бедный. А еще – оскорбляют, если у тебя нос не такой уж красивый.

– Если ты хотела сказать «клеветают» на папу, то так бы и говорила. При чем тут «клеят»? Папа ведь не банка с пикнулями, чтобы на него наклейки делать! – смеясь, поправила сестру Джо.

– Я сама знаю, что хотела сказать, и незачем тебе делать мне такие сатирические замечания. Это вполне прилично – использовать в разговоре хорошие слова, и нам надо улучшать свой вокибиляр, – с достоинством парировала Эми.

– Не надо клевать друг друга, девочки. Разве вам не хотелось бы, чтобы у нас были теперь те деньги, что пропали у папы, когда мы были совсем маленькими? А, Джо? Боже мой! Как счастливы мы были бы, как радовались, если бы у нас теперь не было ни забот, ни хлопот! – произнесла Мег, которая помнила их лучшие времена.

– А ты на днях говорила, что мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, потому что они вечно дерутся и задирают друг друга, хотя их семья очень богата.

– Да, Бет, я это говорила. Ну что же, я и правда так думаю. Потому что, хоть нам и приходится работать, мы сами над собой подсмеиваемся, и вообще, мы – очень «веселая шайка славных девах», как выразилась бы Джо.

– Да уж, Джо любит жаргонные словечки, – заметила Эми, бросив неодобрительный взгляд на долговязую фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тотчас села, сунула руки в карманы и принялась насвистывать.

– Не надо так делать, Джо! Это просто мальчишество!

– Потому-то я так и делаю!

– Терпеть не могу грубых девиц, не умеющих вести себя, как подобает юной леди.

– А я не терплю аффектированных крошек с манерами «фу-ты ну-ты»!

– «Птички в тесном гнездышке не топорщат перышки, мирно живу-ут», – пропела миротворица Бет, скорчив такую смешную рожицу, что сердитые голоса спорщиц смолкли, сменившись смехом, и на этот раз сестры перестали «клевать» друг друга.

– И правда, девочки, – проговорила Мег, приняв строгий тон старшей сестры и явно решив прочитать им нотацию, – вы обе не правы. Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отбросить свои мальчишеские выходки и вести себя как подобает. Все это не имело большого значения, когда ты была маленькой, но теперь, когда ты стала такой высокой и делаешь прическу, подбирая волосы

повыше, тебе следует помнить, что ты уже юная леди.

– А вот и нет! Если новая прическа делает меня «юной леди», я буду носить две косы до двадцати лет! – вскричала Джо, срывая с головы сетку и распуская по плечам пышную гриву каштановых волос. – Мне противна сама мысль, что я взрослею, что должна превратиться в мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной и прилизанной, как китайская астра в саду! Девчонкой быть само по себе ужасно, когда тебе нравятся мальчишьи игры, занятия, их манера вести себя. Какое разочарование, что я не мальчишка! А теперь мне и того хуже – ведь мне до смерти хочется быть там, где папа, сражаться вместе с ним! Но все, на что я способна, – это сидеть в четырех стенах и вязать носки, словно малахольная старая старуха.

И Джо потрясла недовязанным синим армейским носком так, что спицы заклацали друг о друга, словно кастаньеты, а клубок ниток покотился на другой конец комнаты.

– Бедняжка Джо! Это и в самом деле ужасно, но ведь тут ничем не поможешь. Так что тебе надо попытаться быть довольной хотя бы тем, что ты сделала себе мальчишье имя и взяла на себя роль нашего брата, – сказала Бет, поглаживая растрепанную голову сестры рукой, которую никакое мытье посуды и никакая борьба с пылью не могли лишить способности нежно успокаивать одним прикосновением.

– Что же до тебя, Эми, – продолжала Мег, – ты слишком чопорна и придирчива. Твое высокомерие кажется забавным сейчас, пока ты мала, но ты можешь превратиться в напыщенную маленькую гусыню, если не поостережешься. Мне нравится твоя воспитанность и изысканная манера выражаться, но только не тогда, когда ты пытаешься выглядеть особенно элегантной. Ведь твои нелепые словеса так же неуместны, как жаргонные словечки Джо.

– Если Джо – просто сорванец, а Эми – гусыня, кто же тогда я, по-твоему? Скажи, пожалуйста! – попросила Бет, готовая принять свою порцию выговора.

– А ты – просто прелесть, и больше ничего! – с горячностью откликнулась Мег, и ни у кого не возникло возражений – Мышка была любимицей всей семьи.

Всем юным читателям нравится представлять себе, «как люди выглядят», так что воспользуемся моментом затишья и опишем, хотя бы вкратце, четырех сестер, сидящих в ранних сумерках за вязаньем, ни на миг его не прерывая, тогда как снаружи, за окном, тихо падает декабрьский снег, а внутри, в комнате, весело потрескивает огонь в камине. Комната удобная и приятная, хотя ковер уже выцвел, а мебель очень проста; однако стены украшают две-три хорошие картины, нишу заполняют полки с книгами, а на окнах цветут хризантемы и красные рождественские розы; здесь царит приятная атмосфера домашнего покоя и уюта.

Маргарет – то есть Мег, старшей из сестер, – уже исполнилось шестнадцать. Она очень хороша – пухленькая и беленькая, большеглазая, с прекрасными светло-каштановыми волосами, с нежным ртом и очень белыми руками, которыми она даже немножко гордится. Пятнадцатилетняя Джо отличается высоким ростом и худобой. Она смугла и напоминает жеребенка: кажется, что она никогда толком не знает, куда девать свои длинные ноги и руки, которые ей вечно мешают. Линия рта у нее решительная, нос – смешной, а серые глаза смотрят пронзительно и, как представляется, видят абсолютно все, и взгляд их бывает то яростным, то веселым, а то задумчивым. Единственной красой Джо надо назвать длинные, густые каштановые волосы, но она всегда небрежно заталкивает их в сетку, чтобы не мешали и никому не попадались на глаза. Джо сутулится, кисти рук и ступни у нее крупные, одежда на ней свободно болтается, и выглядит бедняжка неловкой, неуклюжей, как обычно выглядит девушка, слишком быстро превращающаяся во взрослую женщину и весьма этим недовольная. Элизабет, то есть Бет, как все ее называют, – розовощекая, гладко причесанная, ясноглазая девочка тринадцати лет, застенчивая, с тихим голосом и умиротворенным выражением лица, почти никогда не нарушаемым. Отец называл Бет «маленькая Мисс Спокойствие», и это имя отлично ей подходило, потому что девочка, казалось, живет в своем собственном, полном счастья мирке, из которого решается выйти навстречу только тем, кому верит, тем, кого любит. Эми, хотя и самая младшая из сестер, считается в семье – во всяком случае, по ее собственному мнению – особой самой важной. Настоящая снегурочка – голубоглазая, с золотистыми волосами, волнами спадающими ей на плечи, бледнокожая и изящная, она всегда держит себя как юная леди, не забывающая о хороших манерах.

Каковы характеры четырех сестриц, нам еще предстоит выяснить.

Часы пробили шесть, и Бет, тщательно выметя каминную плиту, поставила на нее пару домашних туфель, чтобы они согрелись. Почему-то вид этих старых туфель подействовал на девочек самым благотворным образом: вот-вот должна была прийти мама, и лица сестер радостно просветлели в ожидании скорой встречи. Мег перестала читать нотации и зажгла лампу. Эми выкарабкалась из глубокого кресла прежде, чем ей об этом напомнили, а Джо забыла о том, как она устала, поднялась и присела к камину, чтобы поддержать мамины туфли поближе к пылающему огню.

- Они совсем уже износились. Маменьке нужно купить новые домашние туфли.

- Да, я как раз подумала, не купить ли ей новую пару на мой доллар? - сказала Бет.

- Нет, я сама ей куплю! - крикнула Эми.

- Но ведь я - старшая... - начала было Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

- Сейчас, когда с нами нет папы, я в нашей семье мужчина, и это я обеспечу маму домашними туфлями, ведь папа велел именно мне особенно беречь маму, пока его нет.

- А я скажу вам, что мы сделаем. Пусть каждая из нас подарит маме то, что ей нужно, а мы обойдемся без ничего.

- Бет, милочка, ты - всегда ты! - воскликнула Джо. - Так что же мы купим маме?

Все на минуту погрузились в трезвые размышления. Затем Мег объявила так, будто эту мысль подсказал ей вид собственных белых ручек:

- Я подарю ей хорошенькие перчатки!

- Армейские туфли[4 - Джо, очевидно, имеет в виду туфли, которые можно купить на распродаже армейских излишков.], самые лучшие! - выпалила Джо.

- Носовые платки, с каймой по краям, - сказала Бет.

– А я куплю ей маленький флакон одеколona. Мама любит одеколон, и он не очень дорогой, так что у меня еще и на карандаши останется, – добавила Эми.

– А как мы будем все это ей дарить? – поинтересовалась Мег.

– Положим все эти вещи на стол, введем маму в комнату и посмотрим, как она станет свертки распаковывать. Разве вы не помните, как мы это делали в наши дни рождения? – ответила Джо.

– А я всегда так трусила, когда приходил мой черед воссесть в кресле с короной на голове и смотреть, как вы все входите торжественным шагом и приближаетесь, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне нравились подарки и поцелуи, но было так страшно распаковывать свертки, когда вы все сидели и смотрели, как я это делаю, – сказала Бет, готовившая к ужину подсушенные хлебцы: она подрумянивала над огнем ломтики хлеба и – вместе с ними – собственные щеки.

– Только пусть маменька думает, что мы покупаем что-то для самих себя, тогда все это будет для нее сюрпризом. Придется пойти за покупками завтра днем, Мег. Столько всего надо сделать, чтобы подготовить нашу пьесу к рождественскому вечеру, – сказала Джо, теперь шагавшая взад-вперед по комнате, заложив руки за спину и задрав кверху нос.

– Это будет последнее, что я берусь играть на сцене. Я уже не маленькая – я слишком взрослая для таких игр, – заявила вдруг Мег, которая, однако, оставалась еще достаточно ребенком, чтобы участвовать в веселых играх с переодеванием.

– А я уверена, что не в последний. Ты не перестанешь играть, пока можешь шествовать на виду у всех в длинном белом платье, с рассыпавшимися по плечам волосами и в «драгоценностях» из золотой бумаги. Ты у нас – самая лучшая актриса, и если ты уйдешь со сцены, придет всему конец, – сказала Джо. – Надо сегодня вечером еще порепетировать. Иди-ка сюда, Эми, повторим сцену с обмороком, а то ты в ней неподвижна, как чурбан.

– Что же я могу с этим поделаться? Я ведь никогда не видела, как падают в обморок, и вовсе не жажду оказаться вся в синяках, грохаясь плашмя на пол, как это делаешь ты. Если я смогу упасть... слегка – я это сделаю, если нет – я

грациозно упаду в кресло. И мне все равно, бросится на меня Хьюго с пистолетом или нет, – ответствовала Эми, не слишком высоко одаренная драматическим талантом, но избранная в актрисы потому, что была мала и злодей играемой пьесы мог легко унести ее, громко вопящую, прочь.

– Тогда сделай вот как. Сложи, как в молитве, руки и, шатаясь, иди по комнате с отчаянным криком: «Родриго, спаси! Родриго, спаси меня!» – И Джо двинулась прочь, с мелодраматическими восклицаниями, которые и правда звучали довольно волнующе.

Эми последовала ее примеру, но выставила перед собой негнущиеся руки и пошла по комнате, как-то механически подергиваясь, будто заводная кукла, а ее охи и ахи звучали так, словно в нее всаживают булавки, одну за другой, и она кричит не от мучительного страха, а от неожиданных уколов. Джо издала стон отчаяния, Мег рассмеялась, нисколько не скрываясь, а у Бет подгорел ломтик хлеба, пока она с интересом наблюдала эту забавную сцену.

– Бесполезно! – произнесла Джо. – Когда придет время, постарайся сыграть как можно лучше, а если кто-то из зрителей засмеется, я не виновата! Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло вполне гладко, так как дон Педро без сучка и задоринки бросил вызов окружающему миру, хотя вызов этот занял целых две страницы. Ведьма по имени Агарь прохрипела – с судьбоносным результатом – ужасающее заклинание над кипящим котлом, полным отвратительных жаб. Родриго мужественно разорвал на куски свои тяжкие цепи, а Хьюго, мучимый совестью, выпил мышьяк и умер, с безумным предсмертным «ха-ха-ха!».

– Это наша самая лучшая пьеса из всех, – заключила Мег, когда мертвый злодей принял сидячее положение и потерял ушибленные локти.

– Не могу представить, как это у тебя получается – писать и играть такие великолепные вещи, Джо, ты просто настоящий Шекспир! – воскликнула Бет, твердо уверенная, что ее сестры одарены гениальными способностями буквально во всем.

– Ну, не совсем, – скромно отозвалась Джо. – Я и сама думаю, что «Проклятие ведьмы, оперная трагедия» получилась не так уж плохо, но мне хотелось бы

поставить «Макбета»; ах, если бы только у нас был люк для появления Банко! Мне всегда хотелось сыграть главную роль в сцене с убийством. «Неужто вижу я кинжал перед собою?» – пробормотала Джо, вращая глазами и водя рукой в воздухе перед собой, как это делал знаменитый трагик, игру которого она недавно видела.

– Нет, это только вилка для подсушивания хлебцев, а на ней, вместо ломтика хлеба, мамина домашняя туфля! Бет просто зачарована театром! – воскликнула Мег, и «репетиция» закончилась общим хохотом.

– Очень рада, что вам так весело, девочки мои, – раздался от двери радостный голос, и актеры и зрители повернулись в ту сторону, с восторгом приветствуя высокую даму с матерински добрым лицом, которому было свойственно выражение «чем-я-могу-вам-помочь?», что придавало ему особое очарование. Одежда миссис Марч не была элегантной, но даже в этой видавшей виды одежде она выглядела благородной, а девочки считали, что свободное серое пальто и немодная шляпка укрывают самую великолепную женщину на свете.

– Ну, мои дорогие, как вы тут поживали сегодня? У меня было столько работы, что я не смогла прийти домой к обеду, – мы готовили посылки к завтрашней отправке в армию. Кто-нибудь заходил, Бет? Как твоя простуда, Мег? Джо, у тебя ужасно усталый вид! Подойди-ка, поцелуй меня, детка.

Задавая свои вопросы, миссис Марч освобождалась от промокшей одежды. Затем, надев согретые у огня домашние туфли, она опустилась в глубокое кресло, привлекла Эми к себе на колени и была готова насладиться лучшими часами своего до предела загруженного дня. Дочери суетились вокруг, стараясь – каждая по-своему, – чтобы маме было поудобнее. Мег устанавливала чайный стол, Джо принесла дров и расставляла вокруг стола стулья, то и дело роняя или опрокидывая что-нибудь и громяхая всем, что попадало ей в руки. Бет молча и сосредоточенно сновала то туда, то сюда, из гостиной в кухню и обратно, тогда как Эми сидела сложив ручки и раздавала указания направо и налево.

Когда все уселись вокруг стола, миссис Марч сказала с какой-то особенно светлой улыбкой:

– А у меня есть чем вас угостить. Только после ужина.

По всем лицам солнечным зайчиком пробежала радостная улыбка. Бет захлопала в ладоши, забыв, что держит в руке печенье, а Джо подбросила вверх свою салфетку, вскричав:

- Письмо! Письмо от папы! Нашему папе – тоекратное «ура»!

- Да, хорошее, подробное письмо. Папа хорошо себя чувствует и думает, что более благополучно перенесет холодное время года, чем мы опасались. Он шлет нам всем полные любви пожелания к Рождеству, а для вас, девочки, есть особое послание, – сказала миссис Марч, опуская руку в карман с таким видом, точно там находилось величайшее сокровище.

- Поторопимся, девочки! Эми, хватит оттопыривать мизинчик и жеманничать над чашкой! – воскликнула Джо, поперхнувшись чаем и роняя свой хлебец – маслом вниз – на ковер, в нетерпении получить наконец обещанное «угощение».

Бет больше ничего не ела: она тихонько пробралась в свой укромный уголок, чтобы сидеть там и наслаждаться, без помех размышляя о грядущем «угощении», пока сестры готовятся слушать письмо.

- Мне думается, что папа замечательно сделал, отправившись на войну капелланом, раз он оказался слишком стар для призыва и у него не хватает сил быть солдатом, – с горячностью заявила Мег.

- Ох, как бы я хотела пойти барабанщиком, этой, как ее... vivan...[5 - Джо забыла французское слово «vivandi?re» (здесь: «дочь полка»), которым называли молодых женщин, добровольно взявшихся помогать воинам на поле брани, в госпиталях и всюду, где такая помощь необходима.] Или сестрой милосердия – я тогда была бы с папой рядом, могла бы ему помогать, – со стоном произнесла Джо.

- Это, должно быть, ужасно неприятно – спать в палатке, есть всякую невкусную пищу и пить из жестяной кружки, – вздохнула Эми.

- Когда же он вернется домой, маменька? – чуть дрогнувшим голосом спросила Бет.

– Не раньше чем через много месяцев, дорогая, если только не заболеет. Он пробудет там столько времени, сколько хватит сил, чтобы делать свою работу. И мы не станем просить о его возвращении ни минутой раньше того, как там смогут без него обойтись. А теперь садитесь-ка поближе и послушайте, что он пишет.

Все перенесли свои стулья поближе к камину, перед которым в глубоком кресле сидела мать; Бет расположилась на ковре у ее ног, Мег и Эми взобрались на подлокотники маминого кресла, а Джо оперлась на его спинку – там никто не смог бы разглядеть на ее лице никаких эмоций, если бы письму случилось ее растрогать. В те тяжкие времена не слишком много было таких писем, какие не могли бы растрогать их читателей, и особенно трогательными были те, что писали домой отцы; но в этом письме очень мало говорилось о тех лишениях, которые их отцу приходилось переносить, об опасностях, встречавшихся на каждом шагу, о трудно преодолеваемой тоске по дому. Это было веселое, полное надежд письмо, с живописными картинками жизни в лагере, описаниями войсковых переходов и с военными новостями. И только в самом конце письма из переполненного сердца пишущего выплеснулись волны отцовской любви и тоски по его маленьким дочерям, остававшимся дома без него.

«Скажи им, что я люблю их всей душой и нежно целую; что я, при самых трудных обстоятельствах, нахожу глубочайшее утешение в их любви и уважении ко мне. Год ожидания того момента, когда мы снова увидимся, покажется девочкам очень долгим, но напомни им, что, пока мы ждем, мы все можем работать, чтобы эти тяжелые дни не пропали втуне. Я верю: они не забудут ничего из сказанного мною, навсегда останутся для тебя любящими дочерьми, будут свято исполнять свой долг, храбро бороться с „закадычными врагами“, преодолевая себя так успешно, что, когда я вернусь домой, к ним, я стану еще сильнее любить их и гордиться моими маленькими женщинами».

Когда миссис Марч дошла до этой части письма, со всех сторон слышались всхлипывания и шмыганье носом. Джо несколько не устыдилась большой слезы, скатившейся до самого кончика ее носа, а Эми не побоялась смять свои кудряшки, уткнувшись лицом в маменькино плечо.

– Я ужасная эгоистка, – прорыдала она во всеуслышание. – Но я, честное слово, постараюсь исправиться, чтобы папа не успел во мне разочароваться!

– Мы все будем стараться! – вскричала Мег. – Я слишком много думаю о своей внешности и терпеть не могу работу, но я больше не буду так ко всему этому относиться, если только у меня получится!

– А я попробую стать «маленькой женщиной», как папа любит меня называть, а не грубой и необузданной, как мальчишка. И я буду делать все, что надо, дома, а не рваться неизвестно куда, – пообещала Джо, считавшая, что сдерживать свою необузданность дома гораздо труднее, чем схватиться напрямую с парочкой повстанцев-южан.

Бет не промолвила ни слова, только утерла слезы синим армейским носком, за который поспешно взялась, чтобы не терять ни минуты, и вязала, не жалея сил, свято выполняя свой долг – тот, что оказался под рукой. Но молча, в душе своей, она решила стать во всем такой, какой папа надеялся ее увидеть, когда закончившийся год ожидания принесет им всем радостное возвращение отца домой.

Тишину, воцарившуюся после возгласа Джо, нарушил ободряющий голос миссис Марч:

– А вы помните, девочки, как вы, бывало, играли в «Путешествие пилигрима»[6 - «Путешествие пилигрима» (полное название «Путешествие пилигрима в Небесную страну») – одно из самых значительных произведений английской и мировой религиозной литературы, созданное английским писателем и проповедником Джоном Баньяном (тж. Беньян, Буньян, 1628–1688). Первая часть книги была опубликована в 1678 г., вторая – в 1684-м. Книга переведена на многие иностранные языки и выдержала бесчисленное количество изданий. Классический перевод ее на русский язык был сделан дочерью Дениса Давыдова Юлией Денисовной Засецкой во второй половине XIX в. под названием «Путешествие пилигрима в Небесную страну». Современный перевод выполнен Т. Поповой под кратким названием «Путь паломника» и опубликован издательством «Азбука» в 2015 г. В переводе книги Л. М. Олкотт используются названия мест и имена персонажей произведения Дж. Баньяна из классического перевода XIX века Ю. Д. Засецкой, поскольку язык ее перевода адекватен языку автора романа «Маленькие женщины»], когда были совсем малышками? Ничто не доставляло вам большего удовольствия, чем упросить меня привязать каждой из вас на спину по мешочку для лоскутов вместо котомки – как тяжкое бремя, дать каждой шляпу и палку, и свиток бумаги в руку и отпустить в путешествие по дому – снизу до самого верха, – из подвала, который был Градом Разрушения,

до чердака, где вы заранее собрали все, что могли, все самое, по-вашему, прекрасное, чтобы создать себе Небесный Град[7 - Небесный Град - по Дж. Баньяну, Новый Иерусалим, т. е. Царство Божие, достигаемое праведными душами.].

- Как это было интересно! Особенно когда проходили мимо львов, боролись с Аполлионом[8 - Аполлион - враждебное существо, встречающее пилигрима в Долине Уничужения и пытающееся заставить его вернуться назад, в Град Разрушения, где пилигриму и его семье грозит гибель.] и шли по долине, где нам встретились проказливые лешие, - сказала Джо.

- А мне нравилось то место, где наши котомки сваливались с плеч и кувыркалились вниз по лестнице, - призналась Мег.

- А я мало что помню из нашей игры - только что ужасно боялась подвала и темного входа, но очень любила кекс с молоком, который нам давали на самом веру. Не будь я слишком взрослой для таких забав, я с удовольствием сыграла бы в пилигримов снова, - сказала Эми, которая начала заявлять, что отказывается от детских забав, достигнув весьма зрелого - двенадцатилетнего - возраста.

- Мы никогда не станем слишком взрослыми для этого, моя милая. Ведь мы постоянно так или иначе играем в эту игру. Бремя наше всегда при нас, наша дорога лежит перед нами, и стремление к счастью и добру поведет нас через все беды и ошибки к душевному покою, который и есть истинный Град Небесный. Так что теперь, мои маленькие пилигримы, может быть, начнем все сначала - уже не играючи, а всерьез - и посмотрим, как далеко мы успеем продвинуться до папиного возвращения.

- А если на самом деле, маменька, то где же наши бремена? - спросила Эми. Она все понимала совершенно буквально, эта юная леди.

- Каждая из вас только что рассказала нам о своем бремени, кроме Бет. Можно подумать, что у нее вовсе нет никакого бремени, - заметила миссис Марч.

- Конечно есть. Мое бремя - грязные тарелки и пыльные тряпки и зависть к девочкам, у которых есть хорошее фортепьяно, а еще то, что я страшусь людей.

Бремя Бет показалось всем таким забавным, что сестры чуть было не рассмеялись, но удержались, понимая, что могут сильно оскорбить чувства Бет.

– Тогда будем играть, – задумчиво произнесла Мег. – Это ведь просто другое название для наших стараний быть хорошими и добрыми, а эта история поможет нам, потому что, хотя мы сами очень хотим быть такими, это тяжелый труд, и мы порой забываемся и не так уж усердствуем.

– Сегодня вечером мы погружались в Топь Уныния, а мама явилась и, словно Помощь[9 - Помощь – дружественное существо, способствующее пилигриму достичь цели.] в той книге, вытащила нас из Топи. Нам надо бы иметь при себе свиток с указаниями, как идти, такой ведь был у Христианина[10 - Христианин – пилигрим, главный персонаж «Путешествия...»]. Как с этим быть? – спросила Джо, восхищенная тем, что давняя аллегория придает некоторую романтичность скучной обязанности выполнять долг.

– Загляните к себе под подушки в рождественское утро, и каждая найдет там свой путеводитель, – ответила миссис Марч.

Пока старая Ханна убирала со стола, сестры обсуждали свой новый план. Затем девочки взялись за рабочие корзинки, и иголки замелькали вовсю – сестры шили простыни для тетушки Марч. В таком шитье не было ничего интересного, но сегодня никто из них и не думал ворчать. План Джо – поделить длинные швы на четыре части и назвать эти части Европой, Африкой, Азией и Америкой – был всеми одобрен, так что благодаря этому работа превосходно продвигалась вперед, особенно когда, стежок за стежком прокладывая свой путь через эти разные страны, девочки говорили о них.

В девять часов они перестали работать и, как обычно, немного попели перед тем, как отправиться спать. Никто, кроме Бет, не смог бы извлечь хоть сколько-то нот из старенького пианино, но у Мышки был какой-то свой подход к его пожелтевшим клавишам, и, касаясь их мягко и нежно, она умела создать вполне приятный аккомпанемент к простеньким песенкам, которые пели сестры. Голос Мег звучал подобно флейте, и – вместе с матерью – она вела их маленький хор. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо бродила по мелодии как заблагорассудится, издавая порой что-то вроде карканья или громкий дрожащий звук в самом неподходящем месте, портя самую печальную мелодию. Они всегда пели, начиная с того времени, когда едва могли выговорить: «Итйй, итйй, вёдока...», то есть «Мерцай, мерцай, звездочка...»[11 - «Мерцай, мерцай, звездочка...» –

Имеется в виду популярная колыбельная «Twinkle, twinkle, little star» на стихи английской детской писательницы и поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824).], и это вошло у них в обычай, стало домашней традицией – ведь их мать была прирожденной певицей. Первым звуком, какой утром слышали девочки, был голос матери, заливавшейся, словно жаворонок, проходя по дому, а последним – тот же радующий их голос, так как они никогда не чувствовали себя слишком взрослыми для хорошо им знакомой колыбельной.

Глава вторая

Веселое Рождество

Джо пробудилась еще на серенькой заре рождественского утра – раньше всех. У камина не висел ни один чулок[12 - В США, как и в Великобритании, в Рождество принято вешать у камина чулок (обычно белый) с подарками для каждого из детей, а также порой и для взрослых.]. На миг она почувствовала такое же сильное разочарование, какое испытала, когда ее маленький чулочек упал оттого, что был доверху набит всякими лакомствами. Тут она вспомнила мамино обещание и, сунув руку под подушку, вытащила небольшой томик в темно-красной обложке. Джо прекрасно знала эту книгу, ибо перед ней была та прелестная старинная сказка о самой праведной жизни, какую кто-либо когда-либо прожил, и Джо почувствовала, что лучшего путеводителя для любого пилигрима, отправляющегося в долгое путешествие, просто быть не может. Она разбудила Мег возгласом «С веселым Рождеством!» и предложила ей сразу заглянуть под подушку. Оттуда появился томик в зеленой обложке с такой же картинкой под нею и несколькими словами, написанными маминой рукой, что придавало каждому подарку особую ценность в глазах девочек. Вскоре проснулись Бет и Эми, сразу нашарившие у себя под подушками такие же томики – один сизого, другой голубого цвета, и все четверо сидели, рассматривая и обсуждая свои книжки, до тех пор, пока наступающий день не окрасил восток в розовые тона.

Хотя Маргарет и тщеславилась – совсем немножко! – своей внешностью, она по натуре была девочкой милой и набожной, что очень влияло на ее сестер, впрочем, сами они этого не сознавали. Особенно ее влияние сказывалось на Джо, нежно ее любившей и принимавшей ее советы – ведь они давались так

мягко!

– Девочки, – заговорила Мег очень серьезно, подняв глаза от растрепанной головы на кровати подле нее и посмотрев на две головы поменьше, в ночных чепчиках, которые были видны через открытую дверь соседней комнаты, – мама хочет, чтобы мы прочли эту книгу, полюбили ее и следовали ей в жизни. Надо начать сейчас же. Мы и так старались быть ее верными последователями, но с тех пор, как папа уехал, все эти беды, вызванные войной, выбили нас из колеи, и мы стали ко многим вещам относиться спустя рукава. Конечно, вы можете поступить, как вам захочется, но я положу ее на столик у кровати и каждое утро, как проснусь, буду читать понемножку, потому что уверена: это пойдет мне на пользу и поможет прожить наступивший день.

И Мег открыла свой томик и принялась читать. Джо, одной рукой обняв сестру и прижавшись к ней щека к щеке, тоже читала, и на ее лице воцарилось выражение спокойствия, так редко посещавшее эту возбужденную физиономию.

– Какая умница Мег! Ну-ка, Эми, давай и мы сделаем то же самое. Я помогу тебе с трудными словами, а сестры объяснят нам то, чего мы не поймем, – прошептала Бет, на которую красивые томики и пример старших сестер произвели большое впечатление.

– А я рада, что моя книжка – голубая! – заявила Эми, и тут обе комнаты погрузились в тишину: слышался лишь шелест осторожно переворачиваемых страниц, пока лучи зимнего солнца тихонько подкрадывались к девочкам, чтобы, поздравляя с Рождеством, коснуться их светлых головок и серьезных лиц.

– А где же мама? – спросила Мег, когда через полчаса они с Джо спустились вниз – поблагодарить маму за подарки.

– Да кто ж теперь знает?! Какой-то бедолага возьми да и постучись, помощи попросивши, дак ваша матушка, ничуть не задумавши, враз и пошла за ним глянуть, чего им там надобно. Нет и не было другой такой женчины, чтоб, не задумавши, отдавать еду и питье и одёжу всякую и дровишки, – отвечала Ханна, прожившая в этой семье с самого рождения Мег и давно воспринимавшаяся всеми ими скорее как друг, а не как служанка.

– Думаю, мама быстро вернется, так что можете печь ваше печенье и все приготовить, – сказала Мег, оглядывая подарки, сложенные в корзинку и упрятанные под диван в ожидании того момента, когда их можно будет преподнести.

– Ой, а где же флакончик одеколona – подарок от Эми?! – удивилась она, не увидев маленькой бутылочки.

– Так Эми сама забрала его минуту назад и пошла наверх – бантик привязать или еще что-то такое, что ей в голову пришло, – сказала Джо, которая ходила приплясывая по всей комнате, чтобы размять пока еще жестковатые домашние туфли, купленные в армейском магазине.

– А мои носовые платки выглядят очень мило, правда? Ханна их для меня постирала и погладила, и я сама вышила на них метки, – сказала Бет, с гордостью поглядывая на кривоватые букочки, стоившие ей изрядного труда.

– Вот тебе и на! Наша деточка взяла да и вышила на платках «Мама» вместо «М. Марч». Ну и смех! – воскликнула Джо, взяв в руку один из платков.

– А разве это неправильно? Я подумала, что так лучше, ведь у Мег точно такие же инициалы – М. М., и мне вовсе не хочется, чтобы кто-то ими пользовался, кроме маменьки, – объяснила Бет, выглядывая очень встревоженной.

– Все правильно, моя дорогая, очень хорошая мысль, к тому же вполне разумная, ведь теперь уже никто никогда не ошибется. И я уверена, это доставит маме большое удовольствие, – утешила сестру Мег и, нахмурившись, посмотрела на Джо, но тотчас же одарила улыбкой Бет.

– Мама идет! Прячем корзинку! Быстро! – крикнула Джо, услышав, как хлопнула входная дверь и в передней зазвучали шаги. Но в комнату поспешно вошла Эми в пальто и капоре и совсем сконфузилась, увидев, что сестры ее ждут.

– Где же ты была и что прячешь за спиной? – спросила ее Мег, удивленная, что лентяйка Эми так рано выходила из дома.

– Только не смейся надо мной, Джо! Мне просто не хотелось, чтобы кто-то узнал об этом раньше времени. Я просто решила поменять маленький флакон на большой и отдала за него все свои деньги. Я по правде стараюсь не быть эгоисткой... – Говоря это, Эми показала сестрам большой красивый флакон, заменивший маленький и дешевый, и выглядела она такой смиренной и серьезной в этом усилие отрешиться от себя самой, что Мег сразу бросилась ее обнимать, а Джо объявила, что Эми – «славный малый». Бет же подбежала к окну и выбрала самую лучшую из своих роз, чтобы еще украсить и без того великолепный флакон.

– Понимаете, после того как мы утром почитали эту книгу и поговорили о том, что надо быть добрыми и хорошими, мне вдруг стало так стыдно за мой подарок, что я, как только встала, побежала за угол и меняла флакон, и теперь очень рада, потому что мой подарок – самый красивый из всех!

Новый хлопок входной двери отправил корзинку обратно под диван, а жаждущих завтрака девочек – к столу.

– С веселым Рождеством, маменька! И еще много-много лет весело встречать Рождество! Спасибо за книжки. Мы уже немножко почитали и будем читать каждый день! – вскричали все девочки хором.

– С веселым Рождеством, доченьки! Я рада, что вы сразу начали, и надеюсь, продолжите. Но хочу сказать вам словцо перед тем, как мы все усядемся за завтрак. Совсем недалеко от нас лежит бедная женщина с новорожденным младенцем. Шестеро других детей забились в одну постель, чтобы не замерзнуть до смерти, так как топлива у них нет. Им там нечего есть, и старший мальчик пришел и рассказал мне, как они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны отдать им свой завтрак как подарок к Рождеству?

Все четверо к этому времени ужасно проголодались, ведь они прождали почти целый час, и сначала никто не промолвил ни слова. Однако молчание длилось всего с минуту – только одну минуту, – прежде чем Джо категорическим тоном воскликнула:

– Как хорошо, маменька, что вы вернулись до того, как мы начали!

– А можно мне пойти с вами и помочь нести то, что нужно для этих бедных детишек? – тотчас спросила Бет.

– А я отнесу им сливки и сдобные булочки, – заявила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже укрывала гречневые оладьи салфеткой и укладывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

– Я так и думала, что вы все согласитесь, – сказала миссис Марч с довольной улыбкой. – Вы все пойдете со мной и поможете мне, а когда мы вернемся, мы позавтракаем хлебом с маслом и молоком, а рождественский завтрак компенсируем за обедом.

Очень скоро все было готово, и в путь отправилась целая процессия. К счастью, было еще рано, они шли задворками, прохожие почти не встречались, и некому было подсмеиваться над этой странной компанией.

Какой же бедной, пустой и жалкой предстала их глазам эта убогая комната! Битые стекла окон, никакого огня, постели в лохмотьях, больная мать с вопящим младенцем, и группка бледных, голодных малышей, сгрудившихся под одним ветхим стеганым одеялом в попытках согреться.

Как пристально уставились на пришедших огромные глаза, как улыбались им посиневшие от холода губы...

– Ach, mein Gott![13 - Ах, Боже мой! (нем.)] Это добрый ангели приходить к нам, – проговорила несчастная женщина, плача от радости.

– Странные ангелы – в капорах и варежках, – откликнулась на это Джо, заставив всех рассмеяться.

Через несколько минут все выглядело так, будто тут поработали добрые духи. Ханна, принеся дрова, растопила камин и заткнула дыры в битых оконных стеклах старыми шляпами и собственным пальто. Миссис Марч напоила бедную мать чаем, дала ей овсяной каши и утешила обещанием помочь, а сама тем временем перепеленала малышку так нежно, словно она – ее собственная.

Между тем девочки усадили ребятишек у огня и кормили их, словно голодных птенцов, разговаривая, смеясь и пытаясь понять их забавный ломаный английский.

- Das ist gut! Die Engel-Kinder![14 - Это хорошо! Дети-ангелочки! (нем.)] - повторяли бедняги, уплетая еду за обе щеки и грея покрасневшие руки у хорошо разгоревшегося камина. Девочек еще никто никогда не называл ангелочками, и это пришлось им вполне по душе, особенно Джо, которую чуть ли не с самого рождения прозывали Санчо[15 - Санчо - мужиковатый, простоватый человек (ср.: Санчо Панса в романе М. Сервантеса «Дон Кихот»)]. Завтрак получился очень радостным, хотя сестрам не досталось ни кусочка. А когда они ушли, оставив после себя тепло и покой, мне думается, во всем городе не нашлось бы четырех людей, радовавшихся больше, чем эти голодные девочки, которые отдали другим свой праздничный завтрак и удовольствовались в рождественское утро горячим молоком с бутербродами.

- Вот это и значит - возлюбить ближнего больше самих себя, и мне это нравится, - сказала Мег, когда они принялись выставлять на стол подарки для мамы, пока сама мама собирала наверху одежду для несчастного семейства фрау Хаммель.

Нельзя сказать, что выставка подарков выглядела так уж великолепно, но в маленькие свертки было вложено столько любви, а высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и спускающимися из нее гибкими зелеными лозами, поставленная посередине, придавала столу вполне элегантный вид.

- Мама идет! Играй, Бет! Эми, распахни дверь! Троекратное «ура» маменьке! - кричала Джо, носясь по комнате, пока Мег шла к двери, чтобы встретить и провести маму к почетному месту.

Бет заиграла свой самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег с величайшим достоинством изобразила почетный эскорт. Миссис Марч была поражена и растрогана; улыбаясь, с увлажнившимися глазами, она разглядывала подарки и читала приложенные к ним записочки. Домашние туфли немедленно оказались у нее на ногах, новый платок, обильно смоченный одеколоном Эми, отправился в мамин карман, роза была приколоты у нее на груди, а про прелестные новые перчатки мама объявила, что они совершенно впору.

Сколько было смеха, поцелуев и объяснений, все дышало таким простодушием и такой любовью, благодаря которой эти домашние праздники бывают всегда так хороши, когда проводятся и долго-долго с нежностью вспоминаются потом.

Вскоре все взялись за работу. Утренняя благотворительность и праздничные церемонии заняли столько времени, что всю оставшуюся часть дня следовало посвятить подготовке вечернего празднества. Девочки были еще недостаточно взрослыми, чтобы часто бывать в театре, а семья недостаточно богата, чтобы позволить сколько-нибудь большие траты на домашние спектакли, поэтому сестрам приходилось изрядно ломать головы, занимаясь изобретательством. Как известно, голь на выдумки хитра, и сестры сами делали все то, что надобно для представления. Некоторые из их поделок были очень хитроумны: картонные гитары, старомодные соусники, обернутые в серебряную бумагу и превращенные в старинные светильники, великолепные одеяния из старого ситца, сверкающие жестяными украшениями из консервных банок для пикулей, и доспехи со столь же полезными ромбовидными кусочками блестящей прокладки, облекающей внутренность консервной банки и остающейся целой, когда с банки срезаются крышки. Самая большая комната в доме становилась сценой многих вполне невинных, но буйных увеселений.

Мужчины на эти увеселения не допускались, так что Джо могла играть мужские роли, сколько душе угодно, и получала особое удовлетворение, надевая желтовато-коричневые кожаные мужские сапоги, подаренные ей подругой, которая была знакома с дамой, которая была знакома с актером. Эти сапоги да иссеченный разрезами дублет, когда-то использованный неким художником для какой-то картины, были основными сокровищами Джо во всех спектаклях. Малочисленность труппы вынуждала каждого из двух главных актеров брать на себя по несколько ролей, и они несомненно заслуживают уважения за тяжкий труд, какой выпадал на их долю, когда приходилось заучивать три или четыре разные партии одновременно и то и дело быстро снимать и надевать то один костюм, то другой, да еще режиссировать спектакль. Домашние спектакли служили отличной тренировкой памяти, безвредным развлечением, и на их подготовку уходило много часов, которые в ином случае проводились бы в праздности, одиночестве или менее полезном обществе.

В рождественский вечер чуть больше десятка девиц взгромоздились на кровать, игравшую здесь роль бельэтажа. Они сидели перед голубым с желтыми узорами занавесом из мебельного ситца в самом лестном для актеров расположении духа – в нетерпеливом ожидании. Из-за занавеса до них долетали бесчисленные

звуки приглушенного шепота и шуршания, слабый дымок от светильников и порой возбужденное хихиканье Эми, которой было свойственно в такие моменты впадать в истерику. Но вот половинки занавеса разошлись, и «оперная трагедия» началась.

Единственная программка сообщала, что на сцене «мрачный лес». Он был представлен несколькими кустиками в горшках, зеленой бязью на полу и пещерой на заднем плане. сводами пещеры служили рамы для сушки белья, а комоды стали ее стенами; в пещере была небольшая жаровня, в которой пылал огонь, а на огне стоял черный котел, и над ним склонялась старая ведьма. На сцене царил мрак, мерцание огня создавало прекрасный эффект, особенно в тот момент, когда из котла стал клубиться настоящий пар, как только ведьма Агарь сняла с него крышку. Публике дали минуту, чтобы улеглось первое волнение. Позвякивая мечом на боку, в лес решительными шагами вошел чернобородый злодей Хьюго. На злодее была мягкая шляпа с опущенными вниз широкими полями, совершенно невероятный плащ и те самые сапоги. Походив взад-вперед по лесу в сильном возбуждении, Хьюго ударил себя по лбу и вдруг разразился яростной арией, признаваясь в своей ненависти к Родриго, в своей любви к Заре и в своем милом сердцу решении убить одного и завоевать другую. Злобный тон и хриплый голос Хьюго, переходивший порою в крик, когда чувства брали над злодеем верх, произвели сильное впечатление на слушателей, и как только он смолк, чтобы набрать в грудь воздуха, раздались бурные аплодисменты. Поклонившись с видом человека, давно привыкшего к восторгам публики, он прокрался к пещере и командным тоном приказал Агари выйти к нему:

- Эй, ты, красотка! Выходи! Ты мне нужна!

И вышла Мег со свисающими на лицо седыми прядями из конского волоса, в черно-красном одеянии, с посохом в руке и каббалистическими знаками на плаще. Хьюго потребовал у нее приворотного зелья, чтобы заставить Зару его полюбить, и еще одного – чтобы уничтожить Родриго. Агарь в прелестной, полной драматизма арии обещала сделать и то и другое и принялась вызывать духа, который должен доставить ей любовный напиток:

Эльф воздушный, прилетай,

Дом свой тайный покидай,

Ты ведь розами рожден,

Утренней росой вспоен,
Сможешь ли мне то сварить,
Чем любовь приворожить?
Ароматный твой нектар
Мне неси скорее в дар,
Сладкий, крепкий, всех чудесней!
Эльф, ответь на эту песню!

Тут послышалась тихая музыка, и в глубине пещеры появилась маленькая фигурка в чем-то облачно-белом с поблескивающими крылышками, золотыми волосами и венком из роз на голове. Помахивая волшебной палочкой, она запела:

Я по зову прямому
Прилетаю из дома
С серебристой далекой луны.
Ты используй напиток
Не во вред, не в убыток,
Иль все чары иссякнуть должны.

И, уронив маленькую позолоченную бутылочку к ногам ведьмы, дух исчез.

Новая песнь Агари явила миру другого духа – вовсе не привлекательного, ибо с громким треском пред ведьмой возник весь черный, уродливый черт, который, прохрипев какой-то ответ, швырнул в Хьюго темного цвета бутылкой и с издевательским смехом исчез.

Издав благодарственную трель и засунув бутылки за голенища сапог, Хьюго удалился, а Агарь сообщила публике, что, поскольку он в былые времена убил нескольких ее друзей, она давно прокляла его и теперь намерена, помешав исполнению его планов, осуществить свою месть. На этом занавес закрылся, слушатели смогли отдохнуть и угоститься сладостями, одновременно обсуждая

достоинства спектакля.

Прежде чем занавес распахнулся снова, зрителям пришлось довольно долго слушать раздающийся из-за него стук молотков, но когда стало очевидно, какой шедевр плотницкого искусства был создан на сцене, ничьи уста не проронили ни единого недовольного звука. Увиденное превосходило все ожидания. На сцене возвышалась башня, чуть ли не упиравшаяся в потолок; на полпути к ее вершине виднелось окошко с горящей на нем лампой, а за белой занавеской появилась Зара, в прелестном голубом с серебряными узорами платье, ожидающая Родриго. Он явился пред нею в великолепном наряде: шляпа с пером, красный плащ, каштановые локоны и, разумеется, те самые сапоги, а в руках – гитара. Опустившись на одно колено у подножия башни, он пропел трогательную серенаду. Зара ответила ему и после этого музыкального диалога согласилась бежать из дома. И тут наступил самый грандиозный момент спектакля: Родриго извлек из-под плаща веревочную лестницу с пятью перекладинами, забросил наверх один ее конец и предложил Заре спуститься. Она с робостью выбралась из окна на лестницу, оперлась рукой на плечо Родриго и уже готова была грациозно спрыгнуть на землю, когда... Увы, увы, бедная Зара! Она забыла про свой шлейф. Он зацепился за решетку окна, башня покачнулась, наклонилась вперед и с грохотом рухнула, похоронив под своими руинами несчастных влюбленных!

Всеобщий вопль ужаса раздался в комнате, когда зрители увидели яростные взмахи желто-коричневых сапог среди руин и высунувшуюся из-под обломков золотистую головку Зары, восклицающей: «Я же тебе говорила! Ну я же говорила тебе!» С поразительным присутствием духа, дон Педро – жестокий вельможа-отец – бросился на место события и вытащил дочь из руин, поспешно шепнув в сторону: «Не смейтесь, сыграйте так, будто все идет правильно!»

Приказав Родриго встать, он с гневом и презрением запретил ему впредь появляться в их королевстве. Но Родриго, хотя и потрясенный падением на него Зары вместе с башней, отважился противостоять вельможе и не двинулся с места. Этот безупречный пример воспламенил Зару, и она тоже решила противостоять родителю. Тогда тот приказал заключить обоих в самые глубокие подземелья замка. Толстенький маленький слуга явился с цепями и увел несчастных, но выглядел он при этом очень испуганным и явно забыл слова, которые должен был произнести.

Акт третий представлял комнату в замке, где появляется Агарь, явно затем, чтобы освободить влюбленных и покончить с Хьюго. Услышав его шаги, она прячется, видит, как он выливает напитки в два бокала с вином и велит маленькому робкому слуге отнести их каждому заключенному в камеру: «Скажи им, я сию минуту приду». Слуга отводит Хьюго в сторонку, чтобы что-то ему сказать, и Агарь успевает поменять бокалы на другие, безвредные. Фердинандо, малыш-слуга, уносит их заключенным, а Агарь ставит на стол бокал с зельем, предназначенным для Родриго. Хьюго, испытывая жажду после долгого пения, выпивает отравленное вино, теряет разум и, похватавшись некоторое время за разные предметы и потопав вокруг неверными ногами, наконец падает навзничь и умирает; агония и смерть происходят в то время, как Агарь в арии, поразительной по силе и мелодичности, сообщает ему о том, что она совершила.

Эта сцена получилась поистине волнующей, хотя некоторым из присутствующих могло показаться, что смерть злодея несколько утратила свою эффектность из-за неожиданно рассыпавшихся по сцене в большом количестве длинных рыжих волос. Однако, когда занавес закрылся, Хьюго вызывали несколько раз, и он с величайшей пристойностью выходил к публике, ведя за руку Агарь, чье пение все сочли еще более изумительным, чем весь спектакль, вместе взятый.

Акт четвертый: перед зрителями охваченный отчаянием Родриго, готовый вонзить себе в сердце кинжал, потому что ему сказали, что Зара его покинула. Как раз в тот миг, когда он подносит к своему сердцу кинжал, под его окном раздается прелестная песнь о том, что Зара ему верна, но находится в опасности и он может спасти ее, если пожелает. В окно ему брошен ключ, которым отпирается дверь, и в порыве восторга герой разрывает свои цепи и бросается прочь, чтобы отыскать и спасти свою даму сердца.

Акт пятый начинается с бурной сцены между Зарой и доном Педро. Отец хочет, чтобы дочь ушла в монастырь, но она и слышать об этом не желает и после трогательных просьб готова уже упасть в обморок, но в этот момент к ним врывается Родриго и требует ее руки. Дон Педро отказывает – ведь Родриго не богат! Оба кричат и яростно жестикулируют, но не могут прийти к согласию. Родриго уже готов унести потерявшую силы Зару, когда входит робкий маленький слуга с письмом и тяжелой сумой от Агари, которая таинственным образом вдруг куда-то исчезла. В письме сообщается, что Агарь завещает молодым влюбленным несказанное богатство, а дону Педро – ужасную гибель, если он помешает их счастью. Суму открывают, из нее на сцену дождем сыплется целая куча жестяных монет, так что весь пол начинает сверкать. Это

сразу смягчает сурового вельможу. Он соглашается на брак дочери без единого звука. Все объединяются в радостном хоре, и занавес закрывается на том, как дон Педро благословляет влюбленных, преклонивших колена с непревзойденной романтической грацией.

Последовали шумные аплодисменты, неожиданно смолкшие, поскольку раскладная кровать, на которой был построен бельэтаж, вдруг сложилась, мгновенно погасив энтузиазм аудитории. Родриго и дон Педро немедленно бросились на выручку, все слушатели были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие потеряли дар речи – от хохота. Возбуждение едва улеглось, когда появилась Ханна и объявила:

– Миссис Марч всех приветствует и просит юных леди спуститься вниз: ужин на столе.

Это оказалось сюрпризом даже для актеров, а когда сестры увидели стол, они переглянулись меж собою в восторженном изумлении. Маменька всегда была готова устроить для них какой-нибудь небольшой праздник с угощением, но ни о чем столь чудесном они и слыхом не слыхали с давно прошедших дней изобилия. На столе красовалось мороженое, целых два блюда: в одном – розовое, в другом – белое, и торт, и фрукты, и – с ума сойти! – французские шоколадные конфеты, да еще посреди стола четыре великолепных букета цветов из оранжереи! От всего этого просто захватывало дух, и девочки сначала смотрели только на стол, а потом – на свою маму, которая выглядела так, будто ей это доставляло невыносимое удовольствие.

– Это принесли феи? – спросила Эми.

– Санта-Клаус, – ответила Бет.

– Это все мама сделала. – И Мег улыбнулась своей самой нежной улыбкой, несмотря на седеющую бороду и совершенно седые брови.

– У тетушки Марч был приступ великодушия, и она прислала нам этот ужин! – вскричала Джо в порыве вдохновения.

– Нет, вы все ошибаетесь. Это старый мистер Лоренс прислал нам ужин, – ответила миссис Марч.

– Дедушка того мальчика из дома Лоренсов? – воскликнула Мег. – С какой стати такая мысль могла прийти ему в голову? Мы же с ним вовсе не знакомы!

– Ханна рассказала одному из его слуг про ваш веселый завтрак. Он чудаковатый старый джентльмен, но ему это понравилось. Много лет назад он знал моего отца и сегодня днем прислал мне письмо, в котором попросил моего позволения выразить его дружеские чувства к моим детям, прислав им скромные подарки в честь Рождества. Я не могла ему отказать, и вот вы получили маленький пир вечером как компенсацию за завтрак из молока с бутербродами.

– Это тот мальчик его надоумил, точно! Я уверена: это он. Он чудесный малый, я бы хотела с ним познакомиться. А у него такой вид, будто он тоже хочет завести знакомство с нами, только стесняется. И Мег вся такая правильная, что не позволяет мне заговорить с ним, когда мы встречаем его на улице, – сказала Джо, когда тарелки уже были розданы и мороженое начало бесследно «истаивать» с обоих блюд прямо на глазах у присутствующих под их восторженные охи и ахи.

– Ты имеешь в виду тех людей, что живут в большом доме рядом с вами, да? – спросила одна из подруг. – Моя мама знает старого мистера Лоренса, только она говорит, что он очень гордый и не желает знаться с соседями. Он держит своего внука взаперти, когда тот не ездит верхом или не выходит на прогулку с воспитателем, и заставляет его все время заниматься. Мы приглашали его к нам в гости, но он не пришел. Мама говорит, он очень мил, но с нами, девочками, он никогда не разговаривает.

– А у нас как-то кошка сбежала, и он принес ее к нам, и мы с ним отлично поболтали через ограду. У нас получился потрясающий разговор про крикет и всякое такое. Потом он увидел, что Мег идет, и ушел. Я все-таки собираюсь как-нибудь с ним познакомиться: уверена, ему не так уж весело живется, – решительно заявила Джо.

– Он хорошо воспитан, выглядит как маленький джентльмен, и это мне нравится. Так что у меня нет возражений против вашего знакомства с ним, если появится возможность сделать это подобающим образом. Он сам принес цветы, и мне стоило бы пригласить его к нам, но я не знала точно, что у вас там, наверху, происходит. Мальчик казался таким опечаленным, когда уходил, слыша, как вы

веселитесь, и не имея ничего подобного у себя дома.

– Как удачно, что вы его не пригласили, маменька! – рассмеялась Джо, взглянув на свои сапоги. – Но мы как-нибудь поставим другой спектакль, который он сможет посмотреть, а то и сыграть в нем. Это было бы так весело, правда?

– У меня еще никогда не было такого прекрасного букета, – сказала Мег, с большим интересом разглядывая свои цветы. – Красивый – глаз не оторвешь!

– Они все прелестны. Но розы Бет для меня – всех милее, – проговорила миссис Марч, нюхая полузавядший цветок у себя на груди.

Бет придвинулась поближе и, прижавшись к матери, шепнула ей тихонько:

– Как мне хотелось бы послать мой букет папе! Боюсь, у него там вовсе не такое веселое Рождество, как у нас...

Глава третья

Мальчик из дома Лоренсов

– Джо! Джо! Где ты там? – крикнула Мег, стоя у подножия лестницы на чердак.

– Я тут! – ответил ей сверху охрипший голос, и, взбежав по ступенькам, Мег обнаружила на чердаке сестру, жующую яблоко и заливающуюся слезами над «Наследником Рэдклиффа» [16 - «Наследник Рэдклиффа» (1853) – роман английской писательницы Шарлотты Мэри Янг (1823–1901), автора исторических книг и трогательных, часто тенденциозно-религиозных романов. Ее многочисленные (160) произведения были весьма популярны в XIX в., но сейчас практически не переиздаются.]. Горло Джо было замотано шарфом, и она полулежала на старом трехногом диване у солнечного окошка. Чердак был любимым убежищем Джо, она часто укрывалась здесь, взяв с собою полдюжины яблок и хорошую книгу, чтобы насладиться тишиной и обществом своего любимца – домашней крысы по имени Скрэбл, – который жил где-то поблизости от дивана, но ничуть не возражал против присутствия Джо. Как только

появилась Мег, Скрэбл исчез в своей норке. Джо смахнула слезинки со щек и подняла голову, ожидая услышать какую-нибудь новость.

– Как интересно! Ты только посмотри! Настоящее приглашение от миссис Гардинер на завтрашний вечер! – восклицала Мег, размахивая драгоценной бумажкой, а потом с девчачьим восторгом принялась ее читать: – «Миссис Гардинер была бы очень рада увидеть мисс Марч и мисс Джозефину[17 - Такая разница в форме обращения объясняется разницей в возрасте – Мег уже 16 лет, поэтому она упомянута по фамилии, тогда как Джо пока еще недостаточно взрослая для этого.] на небольшом вечере с танцами в канун Нового года». Маменька хочет, чтобы мы пошли. Только что мы наденем?

– Ну что толку спрашивать? Ты ведь сама знаешь, что у нас с тобой, кроме поплиновых платьев, ничего другого нет. Их и наденем! – с полным ртом ответила Джо.

– А мне так хочется шелковое! – вздохнула Мег. – Мама говорит, у меня оно, вероятно, будет, когда мне исполнится восемнадцать. Но два года – это же целую вечность ждать!

– А я уверена, что наши поплинчики выглядят совершенно как шелковые, и они нам очень идут. Твое платье почти совсем как новое, а мое... Я и забыла, что обожгла его в одном месте и порвала в другом. Что же мне делать? Ожог очень виден, и я ничем не могу его отчистить.

– Придется тебе сидеть не поднимаясь, сколько сможешь, да так, чтобы спину не было видно. А перед у тебя в полном порядке. У меня в волосах будет новая лента, и маменька обещала дать свою маленькую брошку с жемчужиной. Мои новые туфли— просто прелесть, перчатки тоже сойдут, хотя они не так хороши, как мне бы хотелось.

– А я свои испортила лимонадом, и новые мне не купить, так что придется пойти без перчаток, – сказала Джо, которую никогда не заботило то, как она одета.

– У тебя должны быть перчатки! – вскричала Мег с решимостью в голосе. – Иначе я не пойду! Перчатки важнее всего. Танцевать без них просто невозможно. И даже если тебе все равно, мне будет до смерти стыдно!

– Тогда я танцевать совсем не буду. Я не очень-то люблю танцевать, когда много людей танцуют парами. Это вовсе не интересно – плавно скользить по кругу. Я люблю носиться туда-сюда и выделывать всякие коленца.

– Тебе нельзя просить маму купить новые перчатки, они слишком дорогие, а ты слишком небрежна. Когда ты те испортила, она сказала, что в эту зиму не сможет купить тебе новую пару. А у тебя не получится как-то свои подправить? – с беспокойством спросила Мег.

– Я могу держать их смятыми в руке, так что никто не увидит, какие на них пятна. Вот и все, что я могу сделать. Ой, нет! Я скажу тебе, как мы с этим справимся: каждая из нас наденет одну хорошую перчатку, а испорченную будет держать в руке. Понимаешь?

– У тебя руки больше моих, ты мне ужасно растянешь перчатку, – начала было Мег, у которой собственные перчатки были весьма уязвимым местом.

– Ну так я пойду без них. Мне все равно, что люди скажут! – вскричала Джо, снова берясь за книгу.

– Ну хорошо, хорошо! Ты можешь взять перчатку! Только не наставь на ней пятен и веди себя прилично. Не закладывай руки за спину, не смотри ни на кого слишком пристально и не произноси «Христофор Колумб!»[18 - «Христофор Колумб!» – В конце XIX – начале XX в. в США имя великого мореплавателя служило подросткам, в основном мальчикам из «приличных» семейств, ругательством, заменяя запрещенную божбу, то есть использование имени Иисуса Христа, для выражения таких эмоций, как возмущение, испуг, удивление и т. п.], ладно?

– Не беспокойся за меня. Я буду такой правильной, какой только смогу, и постараюсь не влипнуть ни в какие истории – если сумею. А теперь походи ответь на записку и дай мне дочитать эту потрясающую историю.

Так что Мег отправилась «с благодарностью принять приглашение», осмотреть свое платье и, напевая, в самом счастливом расположении духа привести в порядок единственный, из настоящего кружева рюш, а Джо в это время, покончив с чтением и четырьмя оставшимися яблоками, затеяла шумную игру со Скрэблом.

В канун Нового года гостиная пустовала, ибо две младшие девочки взяли на себя роль камеристок, а две старшие были заняты архиважным делом подготовки к вечеру с танцами. Какими бы простенькими ни были туалеты сестер, дом оказался полон суеты, беготни вверх и вниз, смеха и болтовни, а в какой-то момент в нем стал слышен сильный запах паленых волос. Мег захотелось, чтобы лицо ее обрамляли несколько кудряшек, и Джо взялась зажать завернутые в бумажки локоны в плоечные щипцы[19 - Плоечные щипцы употреблялись раньше для горячей завивки волос.].

- А разве от них должен идти такой дым? - спросила Бет из своего укромного местечка на кровати.

- Это влага высыхает, - ответила Джо.

- Как странно пахнет! Похоже на жженные перья, - заметила Эми, приглаживая собственные хорошенькие кудряшки с видом превосходства.

- Ну вот. Теперь я сниму бумажки, и вы увидите целое облако мелких колечек, - пообещала Джо, откладывая щипцы.

Она и в самом деле сняла бумажки, но никакого облака колечек не было видно: волосы остались на комодe, перед ее жертвой.

- Ой-ёй-ёй! Ох, ну что ты наделала! Ты же меня изуродовала! Я не смогу пойти! Мои волосы... О, мои волосы! - причитала Мег, в отчаянии разглядывая неровные курчавинки у себя на лбу.

- Вот так мне всегда везет! Зачем ты попросила меня это сделать?! Вечно я все порчу! Прости меня, пожалуйста, щипцы оказались слишком горячими, и я наделала бед, - простонала несчастная Джо, со слезами сожаления глядя на маленькие, плоские, как блины, черные кругляшки на комодe.

- И нисколько не изуродовала! Надо всего лишь подвить волосы немножко и завязать твою ленту так, чтобы кончики чуть-чуть выходили на лоб, тогда это будет выглядеть как последний крик моды. Я видела - многие девочки так делают, - проговорила Эми, стараясь утешить сестру.

– Так мне и надо! Незачем было так прихорашиваться, – недовольно воскликнула Мег. – Надо было оставить мои волосы такими, как есть.

– Да, я тоже так считаю. Но они ведь скоро опять отрастут, – сказала Бет, подходя, чтобы успокоить и поцеловать остриженную овечку.

В конце концов после многочисленных, но менее крупных неудач Мег была готова, а волосы Джо усилиями всей семьи убраны наверх в красивую прическу, и платье надето. Обе девочки очень хорошо выглядели в своих простых нарядах. Мег – в серебристо-сером с голубой бархатной лентой на голове и с кружевным рюшем на платье, заколотым жемчужной брошкой. Джо – в темном бордо с жестким, подобно мужскому, воротничком из белого полотна; единственным украшением у нее была пара белых хризантем. Каждая из сестер надела одну хорошую светлую перчатку и держала другую, испорченную, в руке. Все объявили, что вид у обеих «прекрасный и совершенно непринужденный». Новые туфельки Мег, на высоких каблуках, были очень тесными и сильно жали, но она не желала этого признавать, а девятнадцать шпилек Джо – все как одна – казались воткнутыми прямо ей в голову, что было не так уж приятно, но – святые Небеса! – будем же элегантны или умрем на месте!

– Желая вам хорошо провести время, мои дорогие, – напутствовала их миссис Марч, когда сестры элегантно удалялись по дорожке. – Не ешьте слишком много за ужином и уходите в одиннадцать часов: к этому времени я пришлю за вами Ханну.

Когда калитка за девочками захлопнулась, из окна раздался голос:

– Девочки, девочки, а красивые носовые платочки вы с собой взяли?

– Да, да! Ужасно красивые, и Мег свой надушила одеколоном, – крикнула Джо в ответ и со смехом добавила, не убавляя шага: – Знаешь, я уверена, что маменька спросила бы нас про это, даже если бы мы убегали от землетрясения.

– У маменьки аристократические вкусы, и это один из них, и притом очень правильный, ведь настоящую леди узнают по изящной обуви, перчаткам и носовому платку, – отвечала Мег, у которой было целое множество собственных маленьких «аристократических вкусов».

В гардеробной миссис Гардинер, стоя перед зеркалом, Мег долго прихорашивалась, а потом сказала:

– Джо, не забудь, что тебе надо держать испорченную сторону юбки подальше от чужих глаз. Как моя лента – на месте? А волосы – они очень плохо выглядят?

– Но я обязательно забуду! Если заметишь, что я что-то не так делаю, просто подмигни мне, чтобы напомнить, ладно? – откликнулась Джо, поддергивая воротничок и торопливо приглаживая волосы щеткой.

– Нет, леди не подобает подмигивать. Я только приподниму брови, если что-то будет не так, и буду кивать тебе головой, если все в порядке. А теперь перестань сутулиться и иди мелкими шажками, и не вздумай никому пожимать руку, когда тебя станут с кем-то знакомить. Это не принято.

– И как только тебе удастся заучивать все эти вещи? У меня это никогда не получается. Какая веселая музыка, правда?

И они пошли вниз по лестнице, ощущая некоторую робость, так как редко бывали на таких вечерах, и хотя этот небольшой званый вечер вовсе не был торжественным приемом, для сестер он явился настоящим событием. Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, доброжелательно поздоровалась с девочками и подвела их к старшей из своих шестерых дочерей. Мег уже знала Сэлли и скоро почувствовала, что совсем освоилась, но Джо, не очень-то жаловавшая девиц и девичьи сплетни, стояла в сторонке спиной к стене и чувствовала себя здесь такой же неуместной, как жеребенок в цветнике. В другой части комнаты собралась группка мальчиков – человек шесть, они оживленно беседовали о катании на коньках, и Джо жаждала пойти и принять участие в их беседе, так как катание на коньках было одной из главных радостей в ее жизни. Она взглядом телеграфировала об этом Мег, но брови сестры взлетели так тревожно высоко, что Джо не осмелилась даже пошевелиться. Никто не подошел поговорить с ней, и мало-помалу группа девиц разбрелась, так что Джо осталась в полном одиночестве. Она не могла развлечения ради походить по комнате, так как тогда испорченная спинка платья стала бы всем видна, и поэтому стояла и разглядывала присутствующих, пока не начались танцы. Мег тотчас пригласили, и тесные туфельки понеслись по полу так живо, что никто и не догадался бы, какую боль, с улыбкой на устах, терпит их носительница. Джо увидела большого рыжеволосого юношу, направляющегося в ее сторону, и, испугавшись, что он намеревается ее

пригласить, скользнула в занавешенную нишу, собираясь потихоньку посматривать из-за занавеса и наслаждаться покоем. К сожалению, еще одно застенчивое существо избрало для себя это убежище, ибо, как только занавес за Джо закрылся, она очутилась лицом к лицу с мальчиком из дома Лоренсов.

– Вот тебе и на! Я... я не знала, что здесь кто-то есть! – заикаясь, промолвила Джо, готовая исчезнуть так же быстро, как появилась.

Но мальчик рассмеялся и сказал очень вежливо, хотя и выглядел несколько испуганным:

– Не обращайтесь на меня внимания, оставайтесь, если хотите.

– А я вас не беспокою?

– Нисколько. Я зашел сюда только потому, что мало кого здесь знаю и, видите ли, поначалу почувствовал себя как-то странно.

– И я тоже! Не уходите, пожалуйста. Если, конечно, вам не хочется.

Мальчик снова сел и смотрел не отрываясь на свои бальные туфли, пока Джо не произнесла, пытаясь быть любезной и непринужденной:

– Мне думается, я уже имела удовольствие видеть вас раньше. Вы живете по соседству с нами, не правда ли?

– В соседнем доме. – И он рассмеялся весело и открыто, потому что светские манеры Джо выглядели и правда забавно, ведь ему помнилось, как они болтали о крикете, когда он принес им сбежавшую кошку.

От его смеха Джо почувствовала себя совершенно как дома и тоже рассмеялась, проговорив самым сердечным своим тоном:

– Ох и веселились же мы за столом с вашими подарками!

– Это дедушка их послал.

- Но ведь это вы ему подсказали, верно?

- А как поживает ваша кошка, мисс Марч? - спросил мальчик, пытаясь быть серьезным, хотя его черные глаза весело смеялись.

- Очень хорошо, спасибо, мистер Лоренс. Только я не мисс Марч, а всего лишь Джо, - ответствовала юная леди.

- Ну а я не мистер Лоренс, а всего лишь Лори.

- Лори Лоренс - какое поразительное имя!

- Меня называли Теодором, но мне это имя не нравится, потому что ребята стали звать меня Дора. Так что я заставил их звать меня Лори.

- Я тоже терпеть не могу свое имя. Оно такое сентиментальное! Хочу, чтобы все звали меня Джо, а не Джозефина. А как вы добились того, что ребята перестали называть вас Дора?

- Задал им трепку.

- Но не могу же я задать трепку тетушке Марч! Так что, как видно, придется терпеть. - И Джо, печально вздохнув, примирилась со своей участью.

- А вы разве не любите танцевать, мисс Джо? - спросил Лори с таким видом, словно считал, что это имя вполне ей подходит.

- Почему же? Люблю, даже очень, если места хватает и каждый может двигаться живо и весело. А в таком месте, как это, я наверняка что-нибудь опрокину, стану наступать всем на ноги или сделаю еще что-нибудь ужасное, так что лучше мне держаться подальше от беды и дать Мег плавно поскользиться по комнате. А как вы? Не танцуете?

- Иногда - да. Видите ли, довольно много лет я прожил за границей и пока еще недостаточно бывал в обществе, чтобы разобраться, как и что у вас тут делается.

– За границей?! – воскликнула Джо. – Ах, расскажите мне про это! Я просто обожаю слушать, как рассказывают про путешествия.

Казалось, Лори не знает, с чего начать, но жадные расспросы Джо вскоре помогли ему разговориться, и он рассказал ей, как учился в школе в Веве[20 - Веве – город-курорт на западе Швейцарии, на северном берегу Женевского озера.], где мальчики не носили головных уборов и у них на озере стоял целый флот лодок, а в каникулы они ходили в пешие походы по Швейцарии со своими учителями, и это было очень интересно.

– Ох, какая жалость, что меня там не было! – вскричала Джо. – А в Париж вы ездили?

– Мы провели там прошлую зиму.

– И вы умеете говорить по-французски?

– А нам в Веве и не разрешали говорить на других языках.

– Ой, поговорите чуть-чуть! Я могу читать, но совсем не умею произносить.

– Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolis?[21 - Как зовут эту юную леди в прелестных туфельках? (фр.)]

– Как мило у вас это получается! Но погодите... Вы сказали «Кто эта юная леди в хорошеньких туфельках?», верно?

– Oui, mademoiselle.

– Так это же моя сестра Маргарет, вы ведь знали, что это она! Вы находите ее хорошенькой?

– Да, она напоминает мне немецких девушек, она выглядит такой юной и нежной и танцует, как настоящая леди.

Джо просто засияла, радуясь тому, как мальчик похвалил ее сестру, и сохранила в памяти его слова, чтобы передать их Мег. Оба они тайком смотрели на танцы

из-за занавеса, обменивались критическими замечаниями, болтали и вскоре почувствовали себя давнишними знакомыми. Застенчивость Лори быстро исчезла, так как мальчишеская манера Джо вести себя «по-джентльменски» его весьма позабавила и помогла ему освоиться. К Джо тоже вернулась ее обычная веселость, испорченное платье было забыто, и никто не поднимал брови из-за ее поведения. «Мальчик из дома Лоренсов» нравился ей еще больше, чем прежде, и она успела бросить на него несколько «пристальных взглядов», с тем чтобы потом как следует его описать своим сестрам, ведь у них не было братьев, всего только несколько кузенов, и мальчишки были для них существами почти неизвестными.

«Вьющиеся черные волосы, смуглое лицо, большие черные глаза, красивый нос, прекрасные зубы, небольшие руки и ступни, выше меня ростом и для мальчика очень любезен. И вообще очень мил. Интересно, сколько ему лет?»

Вопрос был у нее уже на самом кончике языка, но Джо вовремя удержалась и с необычным для нее тактом решила выведать это с помощью обходного маневра.

– Я полагаю, вы собираетесь скоро поступить в колледж? Я так понимаю, что вы сейчас всё зубрите без отдыха и срока... То есть нет, я хотела сказать – усердно занимаетесь. – И Джо залилась краской стыда из-за вырвавшегося у нее ужасного слова «зубрите».

Лори улыбнулся, но, по-видимому, вовсе не был шокирован и ответил, пожав плечами:

– Да нет, у меня еще год-два в запасе. Раньше семнадцати я все равно поступать не собираюсь.

– Неужели вам всего пятнадцать? – удивилась Джо, окидывая взглядом высокого мальчика, который в ее воображении уже достиг семнадцати лет.

– Почти шестнадцать. В следующем месяце исполнится.

– Мне так хотелось бы поступить в колледж! А вам, похоже, это не так уж по душе.

– А мне это противно! Сплошная долбежка либо сплошная гульба. Мне не нравится, как ребята все это делают. Здесь, в нашей стране.

– А что же вам нравится?

– Жить в Италии и проводить время так, как я сам хочу.

Джо очень хотелось спросить его, как именно он сам хочет, но его черные брови сошлись так угрожающе, что она поспешно сменила тему и сказала, притопывая ногою в такт музыке:

– Какая полька чудесная! Почему бы вам не пойти танцевать? Попробуйте!

– Только если вы тоже пойдете, – произнес он с галантным полупоклоном.

– Не могу. Я обещала Мег, что не стану, потому что...

И Джо замолкла, нерешительно глядя на Лори, не зная, сказать почему или просто засмеяться.

– Потому что – что?

– А вы никому не скажете?

– Никогда!

– Ну, я завела себе дурную привычку стоять у пылающего камина и так сожгла свои платья, а это сильно подпалила. И хотя его хорошо починили, это все-таки заметно, вот Мег и велела мне не очень-то двигаться, чтобы никто не увидел. Можете смеяться, если вам хочется, я понимаю, это смешно.

Однако Лори не засмеялся. Он только на миг опустил глаза, и выражение его лица озадачило Джо, когда он мягко произнес:

– Не думайте об этом. Я скажу вам, как мы поступим. Здесь рядом – длинный коридор, где никого нет, мы можем танцевать там, и никто нас не увидит. Прошу

вас, пойдете!

Джо поблагодарила и радостно пошла с Лори, пожалев, что у нее нет второй чистой перчатки, так как увидела красивые, жемчужного цвета перчатки партнера. Коридор был пуст, и они великолепно станцевали польку, потому что Лори танцевал хорошо и даже научил ее немецкому па, которое восхитило Джо, так как включало быстрый ритм и свободу движений. Когда музыка смолкла, они уселись на ступеньках лестницы, чтобы отдышаться, и Лори был уже на середине рассказа о студенческом празднике в Гейдельберге, когда появилась Мег, искавшая исчезнувшую сестру. Она кивнула Джо, и та неохотно последовала за ней в боковую комнату, где обнаружила Мег с побледневшим лицом, сидящую на диване, охватив руками собственную ступню.

– Я растянула лодыжку. Этот дурацкий высокий каблук подвернулся, и из-за него ужасно вывернулась нога. Она так болит! Я едва могу стоять и не знаю, смогу ли когда-нибудь дойти до дома, – проговорила Мег, покачиваясь из стороны в сторону от боли.

– А я так и знала, что ты как-нибудь да повредишь себе ноги этими дурацкими туфлями. Мне тебя очень жалко, но я не знаю, что можно тут сделать, кроме как взять экипаж или остаться тут на всю ночь, – проговорила Джо, в то же время осторожно растирая злосчастную лодыжку.

– Я не могу взять экипаж, это стоит очень дорого. Более того, я вообще не могу взять экипаж, потому что большинство гостей приехали в собственных, а платные конюшни далеко, и послать нам за экипажем некого.

– Я схожу.

– Вот уж нет! Десятый час, и темно, как в Египте! И здесь остаться нельзя – дом полон гостей, у Сэлли ночуют подружки. Я отдохну до прихода Ханны, а потом постараюсь сделать все, что смогу.

– Я попрошу Лори, он сходит, – сказала Джо, и лицо ее просветлело от пришедшей в голову отличной идеи.

– Помилуй, Джо! Ни за что! Никого не проси и никому ничего не говори. Принеси мне мои ботинки и положи туфли туда, где остальные наши вещи. Я ведь не могу

больше танцевать, но как только ужин закончится, подожди Ханну и в ту же минуту, как она появится, скажи мне.

– Все уже идут ужинать. Я останусь тут, с тобой. Я так хочу.

– Нет, дорогая. Беги туда и принеси мне кофе. Я так устала, что пошевелиться не могу.

И Мег прилегла на диване, тщательно спрятав ботики, а Джо неуверенными шагами отправилась в столовую, которую отыскала после того, как сначала влезла в стенной шкаф для столового фарфора, а потом открыла дверь в комнату, где старый мистер Гардинер подкреплял свои силы в полном одиночестве. Совершив стремительный рывок к столу, она добыла желанный кофе и тут же его пролила, так что перед ее платьем оказался испорчен не меньше, чем спина.

– О Небо! Ну что я за балда такая! – воскликнула Джо, одновременно погубив перчатку Мег, так как принялась отряхивать ею платье.

– Не могу ли я вам помочь? – произнес чей-то дружелюбный голос. Рядом оказался Лори с полной чашкой кофе в одной руке и тарелочкой с мороженым в другой.

– Я пыталась взять что-нибудь для Мег, она очень устала, а кто-то меня задел, и вот она я, в очень милом виде! – отвечала Джо, в унынии взглядывая то на юбку в кофейных пятнах, то на кофейного цвета перчатку.

– Очень жаль. Я искал, кому бы это предложить. Можно мне отнести все это вашей сестре?

– О, спасибо! Я покажу вам, где она. Я не предлагаю отнести это сама, так как, если бы взялась, наверняка попала бы еще в какую-нибудь передрагу.

Джо провела Лори в боковую комнату, а тот, словно давно уже привыкнув ухаживать за дамами, пододвинул к дивану маленький столик, принес вторую порцию кофе и мороженого для Джо и вел себя так мило, что даже придирчивая Мег признала, что он «славный мальчик». Они весело провели время,

развлекаясь поговорками, и угощались шоколадными конфетами, находя под их оберткой бумажные ленточки с пожеланиями или шутливыми предсказаниями и характеристиками. Они успели уже погрузиться в тихую игру «Базз» с двумя-тремя другими гостями, остававшимися в доме на ночь, когда появилась Ханна. Мег к этому времени совершенно забыла про свою ногу и поднялась с дивана так поспешно, что, вскрикнув от боли, была вынуждена хватиться за Джо.

- Ш-ш-ш! - прошептала она. - Ничего не говори! - И добавила вслух: - Это пустяки! Я немного подвернула ногу, вот и все.

И она, хромая, стала подниматься по лестнице в гардеробную - надеть теплые вещи.

Ханна их бранила, Мег плакала, а Джо просто не знала, как быть, пока не решилась взять дело в свои руки. Выскользнув из гардеробной, она сбежала вниз и, отыскав кого-то из слуг, спросила его, сможет ли он найти им экипаж. Оказалось, что этот слуга нанят на один вечер и совсем не знаком с округой; Джо озиралась в поисках кого-нибудь, кто мог бы ей помочь, когда к ней подошел Лори, слышавший, о чем она спросила слугу, и предложил ей экипаж своего дедушки, как раз, по его словам, подъехавший за ним самим.

- Но ведь еще так рано! Вряд ли вы намеревались уже уйти? - начала было Джо, чувствуя, что у нее отлегло от сердца, но не решаясь принять предложение.

- Я всегда ухожу рано, правда, поверьте! Прошу вас, разрешите мне отвезти вас домой. Это же все по пути, вы ведь и сами знаете, к тому же, говорят, дождь идет.

Последние слова решили дело, и, рассказав Лори о злосчастном происшествии с Мег, Джо с благодарностью приняла его предложение и бросилась наверх - привести остальных. Ханна, совсем как кошка, терпеть не могла дождь, так что от нее никаких возражений не последовало, и они покатали прочь в роскошном закрытом экипаже, чувствуя себя по-праздничному элегантными. Лори поехал рядом с кучером, чтобы Мег могла положить на сиденье ногу, так что сестры принялись совершенно свободно делиться впечатлениями о вечере.

- Я потрясающе провела время, - сказала Джо, взъерошив волосы и устраиваясь поудобнее. - А ты?

– Я тоже, пока ногу не подвернула. Я очень понравилась подруге Сэлли, Энни Моффат, и она пригласила меня приехать вместе с Сэлли и провести у нее неделю. Сэлли поедет весной, когда приезжает опера, и это будет просто великолепно, если только мама позволит мне поехать, – отвечала Мег, повеселев при одной мысли об этом.

– Я видела, что ты танцевала с рыжеволосым юношей, от которого сбежала я. Он тебе понравился?

– Ах, очень! И волосы у него вовсе не рыжие, а золотисто-каштановые, он был очень любезен, и мы с ним танцевали восхитительную редову[22 - Редова – танец чешского происхождения.].

– А когда он танцевал нью-степ[23 - Нью-степ – вид чечетки.], он был похож на припадочного кузнечика. Мы с Лори не могли удержаться от смеха. Ты нас не слышала?

– Нет, но вы поступили очень грубо! А что вы делали все это время, спрятавшись подальше от людских глаз?

Джо поведала ей о своих приключениях, а когда закончила рассказ, они как раз подъехали к своему дому. После многократных выражений благодарности они попрощались, пожелав Лори спокойной ночи, и прокрались наверх, надеясь никого не беспокоить, но в ту же секунду, как скрипнула дверь их спальни, две головки в ночных чепчиках поднялись с подушек, и два сонных, но жаждущих новостей голоса воскликнули:

– Расскажите нам про вечер! Расскажите про вечер!

На это Мег откликнулась:

– Куда подевались все ваши манеры?!

А Джо принесла с собой несколько шоколадных конфет для младших сестер, и те скоро угомонились, но лишь после того, как услышали про самые волнующие события этого вечера.

– Ну, скажу я вам, я и в самом деле кажусь себе настоящей юной леди, вернувшейся домой в экипаже и сидящей в халате, в то время как горничная за мной ухаживает! – заявила Мег, когда Джо прибинтовала к ее ноге компресс с арникой и стала расчесывать ей волосы.

– А я вот не думаю, что настоящие юные леди могут радоваться и веселиться хотя бы на капельку больше, чем мы, несмотря на наши сожженные волосы, старые платья, по одной перчатке на душу да на тесные туфли, выворачивающие наши лодыжки, если нам хватает дурости такие туфли носить.

И я думаю, что в этом Джо была совершенно права.

Глава четвертая

Бремена

– О святые Небеса, как тяжело теперь снова вскидывать на плечи наши котомки и продолжать свой путь, – вздохнула Мег наутро после званого вечера, ибо каникулы уже закончились, а неделя развлечений вовсе не способствовала легкому возвращению к обязанностям, которые никогда не были ей по душе.

– Так жалко, что Рождество и Новый год бывают не каждый день! Вот было бы весело, правда? – откликнулась на это Джо, мрачно зевнув.

– Нам не следует и вполтину так весело проводить время, как мы это делаем сейчас. Но ведь это действительно кажется так приятно – устраивать легкие ужины с букетами цветов, посещать званые вечера, возвращаться домой в экипаже, читать, отдыхать и совсем не работать. Ну, знаешь, как другие люди: я всегда завидую девочкам, которые так и делают. Я ведь так люблю роскошь, – призналась Мег, пытаясь решить, какое из двух потрепанных платьев меньше всего потрепано.

– Ну, у нас этого нет, и давай не будем ворчать, а вскинем на плечи наши котомки и двинемся вперед, как это делает маменька. Могу только сказать, что тетушка Марч, как Старик-водяной, уж если привяжется – ни за что не

отлипнет[24 - Старик-водяной (англ. The Old Man of the Sea) – аллюзия на эпизод из сказок «Тысячи и одной ночи», где Синдбад-мореход, решившийся помочь старику, перенес его через воду на плечах, потом никак не мог его сбросить. Устойчивое выражение «the Old Man of the Sea» приобрело значение «надоедливый, прилипчивый человек, от которого трудно отделаться»]; но я надеюсь, что, если я научусь тащить ее на спине без нитя, она либо свалится сама, либо станет такой легкой, что мне на нее и внимания обращать не придется.

Эта мысль раздражала воображение Джо и привела ее в отличное настроение, но Мег несколько не просветлела, ведь ее бремя – обучение четверых избалованных детей – казалось сейчас тяжелее, чем прежде. У нее даже не хватало духа прихорошиться, как обычно, надев на шею синюю бархотку, и уложить волосы так, чтобы прическа была ей особенно к лицу.

– Что толку хорошо выглядеть, когда никого не видишь, кроме этих злых недоростков, и всем безразлично, хороша я или нет? – проворчала она, резким толчком задвинув ящик комода. – Видно, мне на всю жизнь суждена работа до седьмого пота с крохами развлечений в редкие дни, и я скоро стану старой, и страшной, и сварливой. И все потому, что я бедна и не могу наслаждаться жизнью, как другие девочки. Какая жалость!

Так что Мег сошла вниз с обиженной физиономией и сидела за завтраком не в самом лучшем расположении духа. Да и все остальные, казалось, были не в настроении и то и дело принимались брюзжать.

У Бет болела голова, и она пыталась успокоить боль, улегшись на диван и взяв к себе кошку с тремя котятками. Эми пребывала в сильном беспокойстве, так как уроки ее не были выучены и она никак не могла отыскать свои ботинки. Джо непрерывно насвистывала и с грохотом опрокидывала все на своем пути, готовясь к уходу.

Миссис Марч была очень занята – она поспешно заканчивала письмо, которое должно было тотчас уйти, а Ханна пребывала не в духе, потому что поздно ложиться спать ее совсем не устраивало.

– Никогда еще не видела такого сердитого семейства! – не выдержала наконец Джо, потеряв терпение после того, как опрокинула чернильницу, порвала

шнурки на обоих башмаках и уселась на собственную шляпку.

– А ты в нем – самая сердитая! – парировала Эми, собственными слезами смывая с аспидной доски[25 - Аспидная (тж. грифельная) доска – письменная принадлежность, на которой некогда учились писать, решать арифметические задачи и т. п. Имела вид пластины из сланца (аспида), за что и получила свое название. Вышла из употребления в первой половине XX в.] неверно решенный пример.

– Бет, если ты не будешь держать этих ужасных кошек внизу, в подвале, я велю их утопить! – раздраженно воскликнула Мег, пытаясь избавиться от котенка, который взобрался к ней на спину и пристал, как репей, пониже лопаток, – не достать!

Джо смеялась, Мег бранила кошек, Бет просила прощения, а Эми громко рыдала, потому что теперь она не могла вспомнить, сколько получится, если умножить двенадцать на девять.

– Девочки, девочки, утихните на минутку! Я должна отправить письмо ранней почтой, а вы отвлекаете меня вашими неприятностями, – вскричала миссис Марч, вычеркивая уже третье испорченное предложение в своем письме.

Моментально наступила полная тишина, неожиданно нарушенная Ханной, решительными шагами вошедшей в комнату. Она поставила на стол два горячих полукруглых пирога и столь же решительно зашагала прочь. Эти пироги были домашней традицией, и сестры называли их «муфточками» – ведь других муфточек у них не было, а горячие пироги приятно согревали им руки в холодные утра.

Ханна никогда не забывала спечь эти пироги, как бы ни была занята или не в духе, потому что путь девочкам предстоял долгий и по холоду. У бедняжек не бывало ланча, и они редко возвращались домой раньше двух часов дня.

– Обними покрепче своих кошек, Бетти, и справишься с головной болью. До свидания, маменька, мы сегодня утром просто шайка отпетых негодяек, но вернемся домой настоящим ангелочками. Ну, Мег, идем! – И Джо отправилась вон, громко топая башмаками и чувствуя, что пилигримы вышли в путь не совсем так, как им подобало.

Прежде чем завернуть за угол дома, девочки обычно оборачивались назад, так как мама всегда подходила к окну, чтобы с улыбкой кивнуть им и помахать на прощанье рукой. Казалось, им было бы невозможно благополучно пережить этот день без такого напутствия, и, каким бы ни было их настроение, ласковое мамино лицо, увиденное ими на прощанье, непрестанно освещало им путь, словно сияние солнца.

– Если бы маменька погрозила нам кулаком, вместо того чтобы посылать воздушный поцелуй, так нам было бы и надо, ведь более неблагодарных негодниц, чем мы все, свет еще не видывал! – воскликнула Джо, полная раскаяния и теперь считавшая заслуженным наказанием глубокий снег на дороге и холодный резкий ветер.

– Не надо употреблять такие ужасные выражения, – ответила Мег из-под густой вуали, в которую она закутала лицо, словно монахиня, испытывающая отвращение к миру сему.

– А мне нравятся хорошие крепкие слова, которые имеют смысл, – возразила ей Джо, ловя свою шляпку, совершившую подскок у нее на голове с явной готовностью улететь прочь.

– Ты можешь называть себя, как тебе угодно, но я вовсе не негодяйка и не негодница и не желаю, чтобы меня так называли.

– Ты просто испорченное создание и сегодня безумно раздражена оттого, что не можешь постоянно жить в роскоши! Бедняжка! Ты только подожди, вот я заработаю себе состояние, тогда ты обязательно будешь наслаждаться экипажами, мороженым, и туфельками на высоких каблучках, и букетами цветов, и рыжеволосыми юношами для танцев.

– Какая же ты все-таки смешная, Джо!

Но забавная чепуха Джо рассмешила Мег, и настроение у нее, вопреки ей самой, улучшилось.

– А тебе просто повезло, что я такая, ведь, прими я сокрушенный вид да попытайся приунуть, как ты это делаешь, в хорошеньком состоянии мы бы с

тобой оказались! Хвала Небесам, я всегда могу найти что-нибудь забавное, что меня поддержит. Брось хныкать и возвращайся домой к обеду веселой, будь паинькой!

И Джо ободряюще хлопнула сестру по плечу, расставаясь с нею на весь день, ведь каждая из них теперь отправлялась своей дорогой, каждая потуже затягивала вокруг шеи небольшую теплую шаль, каждая старалась быть повеселее, несмотря на зимнюю стужу, трудную работу и неудовлетворенные желания юности, так любящей удовольствия.

Когда мистер Марч потерял свое состояние, пытаясь помочь неудачливому другу, две старшие девочки умоляли родителей разрешить им делать что-то, чтобы участвовать хотя бы в содержании самих себя. Полагая, что никогда не рано начинать развитие активности, предприимчивости и самостоятельности, родители согласились, и обе сестры с великим рвением взялись за работу, что непременно, вопреки всем трудностям, в конце концов должно было привести к успеху.

Маргарет нашла себе место в качестве бонны и, получая маленькую плату, почувствовала, что разбогатела. По ее собственному признанию, она «любила роскошь» и бедность была ее главной трудностью. Она тяжелее, чем остальные сестры, переносила бедность, так как помнила, хоть и не очень многое, о том времени, когда дома у них было так красиво, а жизнь текла так легко и была полна удовольствий, ведь семья ни в чем не испытывала нужды. Мег старалась не завидовать, не чувствовать недовольства, но ведь это так естественно, что молодая девушка мечтает о красивых вещах, веселых друзьях и подругах, о таких достоинствах благовоспитанной девицы, как умение играть на фортепьяно, рисовать, хорошо танцевать, и вообще – о счастливой жизни. В семье Кингов, где она работала, она каждый день видела все, о чем мечтала сама, потому что старшие сестры ее питомцев как раз начали выходить в свет, и Мег то и дело попадались на глаза и элегантные бальные платья, и красивые букеты; она слышала оживленную болтовню о театрах, о концертах, о веселых санных прогулках и о самых разнообразных развлечениях. И конечно, видела, как на пустыковые мелочи швыряются деньги, которые были бы для нее так драгоценны. Бедняжка Мег редко жаловалась, но ощущение несправедливости порой вызывало у нее чувство раздражения к окружающим – ведь она пока еще не научилась понимать, как она богата теми благами, которые сами по себе могут сделать жизнь счастливой.

Случилось так, что Джо оказалась подходящей помощницей для тетушки Марч: та была хрома и нуждалась в живом и энергичном человеке, который мог бы ее обслуживать. Когда у семьи начались неприятности, бездетная старая дама предложила усыновить[26 - В XIX в. разговорной формы «удочерить» не существовало. Сегодня в правовых документах ее также не существует.] какую-нибудь из девочек и очень обиделась, когда ее предложение отклонили. Друзья говорили мистеру и миссис Марч, что они из-за этого потеряли всякую возможность быть упомянутыми в завещании их богатой родственницы, но они – эти странные люди были явно не от мира сего! – отвечали:

– Мы не откажемся от наших девочек и за дюжину состояний. В богатстве ли, в бедности, мы останемся вместе и будем счастливы, радуясь друг другу.

Некоторое время старая дама не разговаривала ни с кем из семейства Марч. Но как-то раз она случайно встретилась с Джо в доме друзей, и смешная физиономия девочки и ее грубоватые манеры поразили воображение старой тетушки так, что она предложила взять ее в компаньонки. Джо это вовсе не устраивало, но поскольку не представилось ничего лучшего, она предложение приняла и, к всеобщему удивлению, прекрасно уживалась со своей раздражительной родственницей. Время от времени раздражалась буря, а однажды Джо даже весьма решительно зашагала домой, заявив, что не может все это долее выносить, однако настроение тетушки Марч, точно небо после бури, всегда быстро «прояснялось», и она посылала за Джо, прося ее возвратиться, да так настоятельно, что девочка не могла тетушке отказать, ведь в глубине души ей нравилась эта колючая старая дама.

Подозреваю, что главным из того, что привлекало Джо в доме тетушки Марч, была большая библиотека, полная прекрасных книг, но остававшаяся во власти пыли и паучьих сетей с тех пор, как умер дядюшка Марч. Джо помнила доброго старого джентльмена, который, бывало, позволял ей строить железные дороги и мосты из словарей, рассказывал интересные истории про картинки в написанных на латыни книгах и покупал ей имбирную коврижку, когда им случалось встретиться на улице. Тускло освещенная, пыльная комната с бюстами, пристально глядящими вниз с высоких книжных шкафов, удобные кресла, глобусы и – самое лучшее – никем не тревожимый мир книг, в котором она могла бродить, где и как ей вздумается, – все это превращало для нее библиотеку в пространство райского блаженства.

Стоило только тетушке Марч вздремнуть, или в тот момент, как к ней являлись гости, Джо спешила в эту тихую комнату и, свернувшись калачиком в глубоком кресле, буквально пожирала книги стихов, романы, исторические произведения, книги о путешествиях и о картинах, точно настоящий книжный червь. Но, как всякое счастье, это длилось недолго, ибо непременно, лишь только она добиралась до самой сути читаемого, до сладчайшего стиха или строки песни, до самого гибельного приключения своего героя-путешественника, громкий клич «Джози-фина! Джози-фи-и-на!» призывал ее назад, и ей приходилось покидать свой рай, чтобы мотать пряжу, купать пуделя или часами читать «Очерки» Белшама[27 - Уильям Белшам (1752-1827) – английский политический писатель, философ, историк, поддерживавший политику радикальных вигов и выступавший в защиту принципов американской революционной борьбы против владычества Англии. Здесь имеются в виду его «Очерки философии, истории и литературы» (1789-1791).].

Джо мечтала совершить что-то грандиозное. Пока еще она не представляла себе, что именно, но оставляла самому времени возможность подсказать ей это, а между тем она считала своей главной бедой невозможность читать, бегать и ездить верхом столько, сколько ей хочется. Горячность ее натуры, острый язычок и неумный дух постоянно заводили ее в различные переделки, так что жизнь девочки превращалась в череду взлетов и падений, столь же смешных, сколь и грустных. Однако выучка, полученная ею у тетушки Марч, явилась как раз тем, что было ей необходимо, а мысль, что она делает нечто нужное для участия в собственном содержании, радовала ее, несмотря на вечно повторяющийся клич «Джози-фи-и-на!».

Бет была слишком застенчива, чтобы учиться в школе. Попытались было этого добиться, но девочка так страдала, что родителям пришлось отказаться от всяких попыток, и она стала делать школьные уроки дома под руководством отца. Даже когда отец уехал в армию, а мать была призвана посвятить свой опыт и энергию Обществу помощи воинам[28 - Общество помощи воинам (англ. Soldiers' Aid Society) – сеть добровольных женских обществ (около 20 тысяч), которая была создана на севере США во время Гражданской войны (1861-1865). Они занимались снабжением войск санитарными материалами, теплыми вещами и одеялами, лекарствами и продуктами, помощью больным и раненым на поле боя и в госпиталях. Их роль во время войны была очень велика.], Бет упорно продолжала заниматься самостоятельно и старалась изо всех сил. Эта крошка была маленькой домашней хозяйкой: она помогала Ханне содержать дом в чистоте и уюте, столь необходимом для работающих членов семьи, никогда не задумываясь о какой-либо иной награде, кроме любви близких. Она проводила

долгие тихие дни, не ощущая одиночества, не бывая праздною, ибо ее маленький мир наполнился воображаемыми друзьями, а по натуре своей она была трудолюбивой пчелкой.

У Бет было шесть кукол. Каждое утро их приходилось поднимать с постели и одевать, так как Бет все еще оставалась ребенком и не утратила всегдашней привязанности к своим любимцам. А ведь среди них – ни одной совершенно целой или особенно красивой: все они были «изгоями», пока Бет не приняла их под свое крыло, ибо когда ее сестры перерастали своих идолов, те переходили в руки Бет, ведь Эми не желала иметь ничего уродливого или старого. А Бет любила их всех тем более нежно как раз по этой самой причине и устроила больничку для кукол-инвалидов. Никогда никакие булавки не втыкались в их тряпичные тела[29 - Следует помнить, что в то время тело куклы делалось в основном из ткани, набитой опилками или ватой, а голова (иногда также руки и ноги) – из папье-маше. Некоторые же куклы, например Голливог, делались полностью тряпичными.], они никогда не слышали ни одного резкого слова, не получили ни одного шлепка; никогда небрежение не омрачило души ни одной из них, даже самой не располагающей к себе персоны. Все они бывали накормлены и одеты, со всеми нянчились и всех ласкали с неиссякающей нежностью. Один из жалких отбросов кукольного общества, принадлежавший ранее Джо и явно прошедший бурную жизнь, стал совершенной развалиной и попал в мешок с тряпками. Из этой богадельни он был спасен сердобольной Бет и взят в ее приют. У него отсутствовала верхняя часть головы, поэтому Бет привязала на искалеченную голову аккуратную маленькую кепку, а отсутствие ног и рук скрыла, завернув беднягу в одеяльце и отдав этому неизлечимому инвалиду самую лучшую кроватку. Если бы кто-нибудь знал, сколько нежной заботы изливалось на этого куколёнка, я думаю, такой человек был бы растроган до глубины души, даже если бы это казалось ему смешным. Она приносила ему цветы из букетов, читала вслух, выносила на свежий воздух подышать, спрятав у себя под пальто, пела ему колыбельные, никогда не укладывалась спать, не поцеловав на ночь его запачканную физиономию и не прошептав ласково: «Надеюсь, ты будешь хорошо спать в эту ночь, мой милый бедняжка!»

У Бет, конечно, имелись свои трудности точно так же, как у других, и поскольку она была не ангел, а просто очень человечная маленькая девочка, она часто плакала «малюсеньким плачем», как это называла Джо, потому что она не могла брать уроки музыки, не могла иметь хорошее фортепьяно. Она так любила музыку, так старалась научиться играть и так терпеливо упражнялась на тренькающем старом инструменте, что казалось, вот-вот кто-нибудь (не станем намекать на тетушку Марч!) возьмет да и поможет ей во что бы то ни стало. Но

никто тем не менее не взялся ей помочь, и никто не видел, как Бет, когда остается одна, стирает слезы с пожелтевших клавиш, не желающих звучать как надо. Работая, Бет распевала, словно маленький жаворонок. Она никогда не бывала слишком уставшей для маменьки и сестер и день изо дня с надеждой повторяла про себя: «Я знаю, со временем я научусь играть на фортепьяно, если буду хорошей и доброй».

Много есть на свете таких Бет, застенчивых и тихих, сидящих в укромных уголках, пока они не потребуются, и живущих для других так радостно, что никто не замечает их жертв, покуда этот крохотный сверчок на печи[30 - Сверчок на печи - аллюзия на новеллу Чарльза Диккенса «Сверчок на печи» (1845).] не перестанет стрекотать и солнечный призрак не исчезнет, оставив после себя лишь тишину и тень.

Если бы кто-нибудь спросил у Эми, что в ее жизни доставляло ей более всего трудностей и огорчений, она ответила бы, ни на миг не задумавшись: «Мой нос». Когда она была совсем крошкой, Джо нечаянно уронила ее в ведро с углем, и Эми утверждала, что это падение навсегда искалечило ее нос. Он не был слишком большим, он не был неуклюжим и красным, как нос бедняжки Петри[31 - Петри, тж. Петрея - одна из героинь романа «Дом, или Семейные заботы, или Семейные радости» (1839) - шведской писательницы, путешественницы, поборницы феминизма, педагога-просветителя Фредрики Бремер (1801-1865). Роман был переведен на английский язык в 1843 году, и в том же году Л. М. Олкотт его прочла, о чем имеется упоминание в ее дневнике. Роман был в свое время очень популярен не только в Швеции, но также в Англии и в США.], он был лишь чуть-чуть приплюснут, и никакие на свете прищепки не могли придать ему аристократическую утонченность. Никто не обращал на это внимания, кроме самой девочки, а сам нос очень старался вырасти, однако Эми глубоко ощущала нехватку носа древнегреческого образца и, чтобы найти утешение, изрисовывала не листы, а целые простыни бумаги красивыми носами.

Сестры прозвали Эми «Маленький Рафаэль»: у нее обнаружился несомненный талант к рисованию, и она никогда не бывала так счастлива, как срисовывая цветы, придумывая разного вида фей или иллюстрируя рассказы и сказки странными образчиками своего искусства. Ее учителя жаловались, что вместо решения примеров и задач она покрывала свою аспидную доску изображениями животных, на свободных страницах своего географического атласа она копировала карты, а из ее учебников в самые неудачные моменты вылетали трепещущие листочки язвительно-смешных карикатур. Эми удавалось

благополучно преодолевать школьную премудрость в меру своих способностей и избегать нареканий благодаря образцовому поведению. Она пользовалась расположением своих соучениц, так как была уравновешенна и, к счастью, владела искусством быть, без особых усилий, приятной со всеми. Ее не очень большое важничанье и манерничанье пришлись одноклассникам весьма по вкусу, как и другие ее достоинства, ведь, кроме рисования, она умела сыграть на фортепьяно двенадцать мелодий, вязать крючком и читать вслух по-французски без того, чтобы неправильно произносить две трети слов. У Эми была манера жалобным тоном выговаривать: «Когда папа был богат, мы делали то-то...», что звучало очень трогательно, а длинные слова, которые она так любила, девочки считали «совершенно элегантными».

Как видим, Эми шла прямой дорогой к избалованности, ибо все и каждый ей потакали, ее маленькое тщеславие и не такой уж маленький эгоизм беспрепятственно возрастали. Тем не менее кое-что несколько приглушало ее тщеславие: ей приходилось носить одежду своей кузины. Кузину звали Флоренс, а мама Флоренс не обладала ни единой толикой вкуса, и Эми невероятно страдала оттого, что вынуждена носить красную шляпку вместо голубой, не вполне идущие ей платья и кричащие фартуки, не совсем подходившие по размеру. Все они были из хорошего материала, прекрасно сшиты и совсем мало ношены, но взгляд Эми-художника бывал неприятно поражен, особенно этой зимой, когда она получила, например, школьное платье тускло-лилового цвета с узором из желтых горошин и без какой бы то ни было отделки.

– Единственное утешение, – сказала она Мег, подняв на нее глаза, полные слез, – что мама не наказывает меня тем, что делает поперечные складки на моих платьях, когда я плохо себя веду, как делает мать Марайи Паркс. Милая моя, это просто ужасно! Иногда Марайя так плохо себя ведет, что ее платье едва доходит ей до колен, и тогда она не может явиться в школу! Стоит мне подумать о такой дендрагации[32 - Эми явно имеет в виду деградацию (degradation) одноклассницы, но возможно, и ее унижение (denigration).], как я чувствую, что смогу скорее вынести и свой приплюснутый нос, и это лиловое платье с желтыми сигнальными огнями на нем.

Мег была наперсницей и руководительницей Эми, а Джо, в подтверждение странной уверенности, что противоположности сходятся, играла ту же роль в жизни тихони Бет, и эта застенчивая девочка, сама того не сознавая, оказывала на свою безалаберную старшую сестру больше влияния, чем кто бы то ни было еще в их семействе. Две старшие – Мег и Джо – очень много значили друг для

друга, кроме того, каждая из них взяла под свою опеку одну из младших и каждая оберегала избранную подопечную по-своему. Они называли это «играть в дочки-матери», реализуя материнский инстинкт, свойственный маленьким женщинам, и младшие девочки заменили им давно отброшенных кукол.

– Ну, может кто-нибудь что-нибудь рассказать? – спросила Мег, когда вечером они уселись все вместе за шитье. – День сегодня был такой унылый, что я просто умираю – так хочется хоть немного развлечься!

– У меня сегодня удивительная история вышла с тетушкой Марч, но так как я выкарабкалась из нее с пользой для себя, то могу вам про это рассказать, – начала Джо, страстно любившая рассказывать всякие истории. – Я читала ей этого бесконечного Белшама, нудила монотонно, как всегда, потому что тетушка тогда очень скоро задремывает, а я беру какую-нибудь хорошую книгу и читаю, читаю прямо как сумасшедшая, пока она не проснется. Но сегодня получилось так, что я убаюкала сама себя, и, прежде чем она начала клевать носом, я выдала такой зевок, что она спросила, с чего это я так широко открыла рот, что могла бы сразу проглотить всю книгу целиком. «Очень жаль, что у меня это не получится, не то мы сразу распрощались бы с ней, и делу конец!» – ответила я, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком дерзко. Тут она прочла мне длинную лекцию про мои грехи и велела мне посидеть и поразмыслить о них, пока она на минутку «забудется». Она никогда не «опоминается» слишком быстро, так что в то же мгновение, как ее чепец поник, словно отяжелевшая головка георгины, я выхватила из кармана «Векфилдского священника» [33 - «Векфилдский священник» (1766) – роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774) стал самой читаемой книгой своего времени и издается до сих пор.] и принялась читать – один глаз в книгу, другой – на тетушку. Я как раз дошла до того места, где они все шлепаются в воду... Тут я сама забылась и рассмеялась вслух. Тетушка проснулась и, придя после сна в более доброе расположение духа, велела мне прочесть из книжки кусочек, чтобы показать ей, что за легкомысленную стряпню я предпочитаю достойному и поучительному труду Белшама. Я старалась изо всех сил, и ей понравилось, но она сказала только: «Не пойму, о чем тут речь идет. Вернись-ка к началу, девочка».

Ну я и вернулась к началу и постаралась сделать Примрозов такими интересными, как только возможно. Разок у меня хватило ехидства замолкнуть на захватывающем месте и очень кротко спросить: «Может, нам здесь остановиться, мэ? Боюсь, это вас утомляет». Она подхватила свое вязанье, выпадавшее у нее из рук, бросила на меня острый взгляд сквозь очки и

произнесла резко, как обычно: «Извольте дочитать главу, мисс, и не дерзите!»

– А она призналась, что ей это понравилось? – спросила Мег.

– Ох, да что ты, ни в коем разе! Но она оставила старину Белшама в покое, а попозже днем я забежала за забытыми перчатками и вижу: тетушка так погрузилась в «Священника», что даже не слышит, как я отплясываю джигу в коридоре, смеясь от предвкушения лучших времен! Какой приятной могла бы стать ее жизнь, если бы она только захотела! Я вовсе ей не завидую, пусть она и богата. Думаю, в конце концов, – добавила Джо, – у богатых не меньше забот, чем у бедных.

– Твои слова напомнили мне, – сказала Мег, – что и я тоже могу кое о чем рассказать. Это не так забавно, как история Джо, но я много думала об этом, идя домой. Сегодня у Кингов все находились в каком-то необычайном волнении, а одна из моих питомиц сказала мне, что их самый старший брат сделал что-то ужасное и их папа куда-то его отослал. Потом я услышала, как плачет миссис Кинг, а мистер Кинг говорит очень громко; Грейс и Эллин прошли по коридору мимо меня, отворотившись, чтобы я не видела их глаз, красных и опухших от слез. Разумеется, я не стала задавать никаких вопросов, но мне стало их всех так жалко! Как хорошо, что у меня нет неуправляемых братьев, которые совершают всякие дурные поступки и позорят свою семью.

– А мне кажется, когда тебя позорят в школе, это еще гораздо позористее, чем все дурные поступки, какие может сделать плохой мальчишка, – заявила Эми, укоризненно покачивая головой, словно у нее за плечами большой жизненный опыт. – Сюзи Перкинс явилась сегодня в класс в прелестном колечке с красным сердоликом. Мне ужасно захотелось такое же, и я от всей души пожалела, что я не Сюзи. Ну вот. А она нарисовала портрет мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом на спине, а изо рта у него вылетало что-то вроде воздушного шарика со словами: «Юные леди, я всех вас вижу!» Мы как раз смеялись над рисунком, когда вдруг обнаружили, что он и правда нас видит, и он велел Сюзи принести ему ее грифельную доску. Она была просто перрилизована от страха, но все же пошла к его столу, и – ах! – как вы думаете, что он сделал? Он схватил ее за ухо – за ухо! Только представьте себе этот ужас! И отвел ее на помост, с которого мы наизусть читаем, и заставил стоять там целых полчаса, держа доску так, чтобы все могли видеть тот рисунок.

– А разве девочки не посмеялись над этим портретом? – спросила Джо, любившая смаковать такие стычки.

– Посмеялись?! Да ни одна! Они сидели тихенько, словно мышки, а Сюзи проливала потоки слез, я это точно знаю. И я ей перестала завидовать, потому что почувствовала, что миллионы сердоликовых колец не сделали бы меня счастливой после такого позора. Я никогда, ни за что не оправилась бы от такого чрезвычайного оскорбления. – И Эми вернулась к шитью, гордая сознанием собственной добродетельности и тем, что сумела произнести два длинных слова единым духом и без единой ошибки.

– А я сегодня утром видела то, что мне очень понравилось, и собиралась вам рассказать за обедом, но забыла, – заговорила Бет, в то же время приводя в порядок рабочую корзинку Джо, где все всегда было перевернуто вверх тормашками. – Когда я пошла в лавку купить устриц для Ханны, там был мистер Лоренс, только он меня не заметил, я стояла за бочкой с рыбой, а он был занят разговором с хозяином лавки, мистером Каттером. Какая-то бедная женщина вошла туда с ведром и шваброй и спросила мистера Каттера, не позволит ли он ей немного почистить пол «за самую малость рыбы», так как у нее ничего нет на обед детям, а работы в тот день она, к несчастью, не нашла. Мистер Каттер очень торопился и ответил довольно сердито: «Нет!» Женщина уже пошла к выходу и выглядела ужасно голодной и расстроенной, но тут мистер Лоренс подцепил загнутым концом своей трости огромную рыбину и протянул ей. Она так обрадовалась, так удивилась, что прямо схватила эту рыбину, прижала к груди и стала благодарить его без остановки. А он говорит: «Теперь идите и приготовьте им обед» – и она поспешила уйти, и такая была счастливая! Правда ведь, как он хорошо сделал?! Ах, она выглядела так забавно, держа в объятьях огромную рыбину и желая мистеру Лоренсу, чтобы ему «лёхко» было на том свете!

Отсмеявшись над рассказом Бет, девочки попросили маму тоже рассказать им что-нибудь интересное, и после минутной задумчивости она начала рассказывать без улыбки:

– Сегодня, когда я села кроить синие фланелевые куртки в помещении нашего Общества, я очень беспокоилась о вашем отце и думала о том, какими одинокими и беспомощными окажемся мы, если с ним что-то случится. Не очень-то умно было мне так думать, но я все волновалась и волновалась, пока один старик не явился получить кое-какую одежду. Он сел подле меня, и я заговорила

с ним, потому что он был явно беден и казался уставшим и встревоженным. «У вас, видимо, сыновья в армии?» – спросила я, так как записка, с которой он пришел, была адресована не мне.

«Да, мэм, их было четверо, но двое погибли, один в плену, а я еду к другому – он очень плох и лежит в госпитале, в Вашингтоне», – ответил тихо старик.

«Вы великое дело сделали для нашей страны, сэр», – сказала я, почувствовав к этому человеку уже не жалость, а глубокое уважение.

«Ни на грош не больше, чем должен, мэм. Я бы и сам пошел, если б от меня толк был. А раз нету толку, так я сынов своих отдал, и вовсе не за плату какую-нито».

Произнося это, он приободрился и выглядел вполне искренним, и казалось, так радостно отдал все, что мог, что мне стало стыдно за себя. Я ведь отдала только одного, и то считала, что отдала слишком много, тогда как этот старик отдал четверых, и сделал это, не жалуясь. Не жалуется и теперь. У меня есть мои девочки, они всегда меня утешат, а его сын – последний у него оставшийся – ждет отца в госпитале, за много миль отсюда, возможно, лишь затем, чтобы навсегда с ним проститься. И я почувствовала себя такой богатой, такой счастливой, подумав о своем благословенном везении, что собрала ему хороший узел вещей, дала денег и от всего сердца поблагодарила за преподанный мне урок.

– Маменька, расскажите нам еще историю с моралью, вроде этой, – попросила Джо после минутного молчания. – Я потом очень люблю поразмыслить над ними, если они про настоящую жизнь и не слишком похожи на проповедь.

Миссис Марч улыбнулась и начала сразу же, ведь она с давних пор рассказывала разные истории перед этой маленькой аудиторией и прекрасно знала, как угодить слушательницам.

– Когда-то давным-давно жили-были четыре девицы, у которых хватало и еды, и питья, было что на себя надеть и много всяких благ и развлечений, да и добрых друзей хватало, и родители их нежно любили, а девицы эти всё не были довольны. (Здесь слушательницы обменялись лукавыми взглядами и более усердно взялись за шитье.) Однако девицам этим очень хотелось стать добрыми и хорошими, и они принимали множество отличных решений, но не совсем

аккуратно их выполняли. Они постоянно говорили: «Ах, если бы у нас было вот это...» или: «Ах, если бы мы могли сделать так-то...», совершенно забывая, как много у них уже есть и сколь многое в действительности они могут сделать. Тогда они спросили одну старушку, каким заклятием они могли бы воспользоваться, чтобы стать счастливыми, и та им ответила: «Когда вы чувствуете, что недовольны, вспомните про те блага, что у вас есть, и будьте благодарны за это!» (Здесь Джо быстро подняла голову, словно собираясь заговорить, но передумала, поняв, что рассказ не окончен.) Поскольку девицы эти были достаточно разумны, они решили попробовать и последовали совету старушки – и вскоре сами стали удивляться, как хорошо все у них получается. Одна из них обнаружила, что деньги не могут освободить семьи людей богатых от позора и горестей; другая – что, несмотря на бедность, она благодаря своей юности, здоровью и веселому нраву гораздо счастливее, чем некая раздражительная, слабая здоровьем старая дама, неспособная наслаждаться теми благами, что у нее есть; а третья узнала, что, как ни неприятно бежать по холоду в лавку, чтобы помочь приготовить обед, куда неприятнее просить ради обеда милостыню. Четвертая же девица поняла, что даже сердоликовые колечки ценятся не так высоко, как хорошее поведение. Так что все четверо согласились перестать жаловаться, удовлетворяться теми благами, что имеют, и стараться быть достойными этих благ, ибо иначе вместо их увеличения они могут этих благ вовсе лишиться; а кроме того, все они поверили, что никогда не разочаруются и не пожалеют, что последовали совету старушки.

– Ну и маменька! Как это у вас ловко получилось – вы обратили наши собственные истории против нас и вместо романа прочли нам проповедь! – воскликнула Мег.

– А мне такие проповеди нравятся, – сказала Бет, правильными рядками втыкая иголки в подушечку в корзинке Джо. – Такие нам папа читал.

– А я жалуюсь вовсе не так часто, как другие, а теперь буду еще осторожней, чем раньше, ведь падение Сюзи послужило мне предостережением! – заявила добродетельная Эми.

– Мы этот урок заслужили, и нам его не забыть. А если вдруг забудем, вы, маменька, просто напомните нам слова старой Хлои из «Хижина дяди Тома»[34 - «Хижина дяди Тома» (1852) – всемирно известный роман американской писательницы-аболиционистки Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896). Роман, всем своим содержанием призывавший к освобождению негров-рабов, ходил в

списках и был впервые опубликован лишь в 1908 г.]: «Низзя забывать об своих благах, детки! Никак низзя об них забывать!» – откликнулась Джо, которая, как ни старалась, не смогла удержаться от того, чтобы не найти – пусть самую малость – забавного в маленькой проповеди, хотя приняла ее очень близко к сердцу, как и каждая из сестер.

Глава пятая

Как добрые соседи

– Ради всего святого, Джо! Что это ты собираешься теперь делать? – спросила Мег как-то перед вечером, в холодный снежный день, увидев сестру, шумно топающую через прихожую в резиновых сапогах, широком старом пальто и капюшоне, с метлой в одной руке и совком в другой.

– Выхожу поразмяться на свежем воздухе, – ответила Джо. В ее глазах светился озорной огонек.

– Я бы думала, что двух долгих прогулок сегодняшним утром вполне для этого хватило! На улице холодно и хмуро, снег мокрый, и я советую тебе посидеть дома, где тепло и сухо, у горящего камина, как делаю я, – промолвила, пожившись, Мег.

– Советов никогда не принимаю! Сидеть без движения целый день не умею и, поскольку я не кошечка, терпеть не могу подремывать у камелька. Я обожаю приключения и выхожу на их поиски.

Итак, Мег вернулась к камину поджаривать себе ножки и читать «Айвенго», а Джо принялась с величайшим энтузиазмом расчищать заметенные снегом дорожки. Снег не успел слежаться, и своей метлой девочка быстро размела дорожку, идущую вдоль изгороди по всему саду, чтобы Бет могла пройти по ней, когда покажется из-за туч солнце и куклам-инвалидам необходимо будет подышать свежим воздухом. Надо сказать, что этот сад отделял дом семейства Марч от дома мистера Лоренса. Оба здания стояли на окраине города, и место это пока еще очень походило на загородное своими рощами и лужайками,

большими садами и тихо журчащими ручьями. Невысокая живая изгородь разделяла два владения. По одну сторону изгороди стоял старый, побуревший от времени дом, выглядевший каким-то обнаженным и потрепанным без густолистных стеблей плюща, обвивавших его стены летом, и массы цветов, окружавших его тогда. По другую же сторону изгороди находился величественный особняк, всем своим видом свидетельствовавший о комфортной и даже роскошной жизни, начиная с каретного сарая, содержащегося в полном порядке двора и ухоженного сада до оранжереи и всяких прекрасных вещей, какие мельком можно было увидеть меж незадернутых дорогих занавесей на окнах.

Однако особняк этот казался одиноким, безжизненным, ибо никогда на его лужайке не резвились дети, ни одно материнское лицо не глядело из его окон, и совсем немного людей входило в дом и выходило из него, помимо старого джентльмена и его внука.

Буйная фантазия Джо рисовала ей этот дом как заколдованный дворец, преисполненный великолепия и удовольствий, которыми некому насладиться. Ей давно хотелось взглянуть на спрятанное в таинственном особняке великолепие да поближе познакомиться с «мальчиком из дома Лоренсов», который, казалось, и сам был не прочь завести с сестрами знакомство, если бы только знал, как к этому приступить. После новогоднего вечера Джо захотелось этого еще больше. Она строила множество планов насчет того, как можно было бы с ним подружиться, однако в последнее время его не было видно, и Джо стала уже подумывать, не уехал ли он куда-нибудь, как вдруг однажды разглядела его смуглую физиономию в одном из верхних окон, грустно глядящую в их сад, где Бет и Эми играли в снежки.

«Этот мальчик страдает оттого, что ему недостает общества и развлечений, – сказала себе она. – Его дедушка не понимает, что на самом деле хорошо для внука, а что – плохо, и держит его взаперти, в полном одиночестве. А мальчику просто необходима компания веселых ребят, с которыми можно затеять всякие игры, или просто нужно, чтобы с ним был кто-то молодой и жизнерадостный. Я уже почти твердо решила заявиться к старому джентльмену и все ему выложить».

Эта мысль показалась Джо весьма увлекательной – она любила совершать рискованные действия и вечно шокировала бедняжку Мег своими странными выходками. План «заявиться к старому джентльмену» не был ею забыт. И вот

когда наступил этот снежный день, Джо решила посмотреть, что можно будет сделать. Она увидела, как уехал из дома мистер Лоренс, и совершила «боевую вылазку» с целью прокопать себе путь к изгороди, где она, разумеется, остановилась и провела разведывательный обзор. Все спокойно, занавеси на нижних окнах задернуты, слуг нигде не видно, и ничего человекоподобного нет в поле обзора, кроме курчавой темноволосой головы, опирающейся на худую руку близ одного из верхних окон.

«Вон он где, – подумала Джо, – бедный мальчик! Совсем один в такой мрачный день, да к тому же еще и болен. Как ужасно! Брошу в окно снежок – это заставит его выглянуть – и скажу ему парочку добрых слов».

Горсть рыхлого снега взлетела вверх, и голова тотчас повернулась к окну лицом, миглом утратившим свое унылое выражение. Большие глаза загорелись, губы раскрылись в улыбке. Джо кивнула ему, засмеялась и, размахивая в воздухе метлой, крикнула:

– Здравствуйте! Как вы поживаете? Вы заболели?

Лори открыл окно и хрипло, словно ворон, прокаркал:

– Спасибо, уже лучше. Сильная простуда. Сижу взаперти целую неделю.

– А вам удастся как-то развлечься?

– Да нет. Тут, наверху, мрачно, как в склепе.

– Разве вы книг не читаете?

– Не очень много. Мне не разрешают.

– Разве некому почитать вам?

– Дедушка иногда читает, только ведь мои книги ему неинтересны, а я терпеть не могу все время обращаться с просьбами к Бруку.

– Пусть тогда кто-то приходит вас повидать.

– Нет никого такого, кого мне хотелось бы повидать. Мальчишки вечно устраивают бедлам, а у меня голова не выдерживает.

– А разве нет какой-нибудь милой девочки, которая могла бы вам читать и как-то вас развлечь? Девочки ведь существа тихие и любят играть роль сиделки.

– Я ни с кем здесь не знаком.

– Вы же знакомы с нами, – начала было Джо, но засмеялась и смолкла.

– Ну конечно же! Так вы придете? Приходите, пожалуйста!

– Я-то как раз и не тихая, и не милая, но приду, если мама позволит. Пойду и спрошу ее. А сейчас будьте хорошим мальчиком, закройте окно и подождите, пока я приду.

С этими словами Джо вскинула на плечо свою метлу и решительно зашагала к дому, задаваясь вопросом, а что же все домашние ей на это скажут?

Лори трепетал от возбуждения при мысли о том, что у него наконец будет с кем пообщаться. Он носился по комнатам, готовясь к этому событию, ведь, как говорила миссис Марч, он был «маленький джентльмен» и, естественно, захотел почтить гостью хотя бы тем, что пригладил щеткой свою черную шевелюру, придав ей более свежий вид, и попытался прибрать у себя в гостиной, которая, несмотря на дюжину слуг, никак не желала выглядеть уютной. Вскоре послышался громкий звонок в дверь, затем решительный голос задал вопрос, дома ли мистер Лори, и изумленный слуга примчался наверх – объявить о визите юной леди.

– Все в порядке, это мисс Джо, – сказал Лори. – Проведите ее наверх. – И он подошел к двери своей маленькой гостиной, чтобы встретить Джо, румяную и чувствующую себя совершенно как дома с блюдом под крышкой в одной руке и тремя котятками Бет в другой.

– А вот и я, да со всеми пожитками! – оживленно заговорила она. – Мама шлет сердечный привет и очень рада, что я смогу что-то для вас сделать. Мег захотела, чтобы я отнесла вам немножко ее бланманже – оно у нее очень

неплохо выходит, а Бет подумала, что ее котята очень благотворно действуют. Я знала, что вы, наверное, над ними посмеетесь, но не могла отказать Бет – ей так хотелось тоже что-нибудь для вас сделать.

Однако случилось так, что одолженные Бет забавные маленькие котята оказались как раз тем, что было нужно, так как они рассмешили Лори, и он, забыв свою застенчивость, сразу же стал вполне общительным.

– Оно выглядит слишком красивым, чтобы его есть! – воскликнул Лори, с веселой улыбкой глядя, как Джо раскрывает принесенное ему блюдо и показывает бланманже Мег, обложенное вокруг гирляндой из зеленых листьев и цветов красной герани, так любовно выращенной Эми.

– Да тут нет ничего особенного, просто все они относятся к вам по-доброму и хотели это показать. Скажите девушке, чтобы убрала это и подала вам к чаю. Оно ведь очень простое и мягкое, вы сможете легко его съесть, и оно ничуть не повредит вашему больному горлу. Какая у вас эта комната уютная!

– Могла бы быть, если бы ее содержали как следует. Но горничные ленивы, а я не умею заставить их уделять этому достаточно внимания. Это меня и правда огорчает.

– Да я в две минуты все тут поправлю, надо всего лишь вычистить щеткой каминную плиту – вот так... и вещички на каминной полке поставить попрямее – вот так... и книжки переставить вот сюда, а бутылки – сюда, и диван повернуть, чтобы свет на него не падал, и чуть-чуть взбить подушки... Ну вот, теперь у вас все в порядке.

И так оно и было, потому что, пока Джо смеялась и болтала, она быстро расставляла вещи по местам, чем придала комнате совершенно другой вид. Лори следил за ее действиями в уважительном молчании, а когда она жестом пригласила его сесть на диван, он уселся на него с довольным вздохом и благодарно произнес:

– Какая вы добрая! Да, это как раз то, чего мне хотелось. А теперь, прошу вас, садитесь в большое кресло и позвольте мне самому сделать что-то, чтобы развлечь мою гостью.

– Нет уж, я ведь пришла развлекать вас. Хотите, я прочитаю вам вслух? – И Джо бросила полный любви взгляд на несколько привлекательных книг, стоящих поблизости.

– Спасибо! Эти все я уже прочитал, и, если вы не против, я бы лучше поговорил с вами.

– Ничуть не против! Дайте мне только волю, я буду разговаривать весь день напролет. Бет говорит, я никогда не знаю, где следует остановиться.

– Бет – это та розовощекая девочка, что чаще всего сидит дома, но иногда выходит в сад с маленькой корзинкой? – с явным интересом спросил Лори.

– Да, это Бет. Она – моя сестричка-подружка, и вот уж кто по-настоящему самая добрая и хорошая из нас всех.

– А красивая – это Мег; значит, с вьющимися волосами – это Эми?

– Да как же вы узнали?

Лори покраснел, но ответил ей вполне откровенно:

– Ну, видите ли, я часто слышу, как вы окликаете друг друга, и, когда сижу тут наверху, совсем один, не могу не поглядывать на ваш дом: у вас там, как мне представляется, всегда так хорошо, так весело. Простите меня, пожалуйста, за такую дерзость, но вы порой забываете опустить штору на том окне, где стоят цветы. И когда зажигают лампы, все выглядит так, будто смотришь на картину: пылает огонь в камине, и вы все – за столом, с вашей матушкой. Ее лицо прямо напротив меня, за цветами, и оно такое доброе и милое... Не могу удержаться, все смотрю и смотрю. Вы же знаете, матери у меня нет. – И Лори принялся ворошить уголья в камине, пытаюсь скрыть чуть заметное подрагивание губ, от которого ему не удавалось избавиться.

Печальный взгляд одинокого, истосковавшегося мальчика до самой глубины затронул горячее сердце Джо. Воспитывалась она очень просто, и учили ее простым вещам, так что голова ее не была забита никакими «глупостями»: в свои пятнадцать лет она была чиста душой и искренна, как всякий ребенок.

Мальчик был болен и одинок, и, понимая, насколько счастлива и богата она сама домашним очагом и семейными радостями, она всей душой стремилась поделиться ими с Лори. Выражение ее лица стало особенно дружеским, а обычно грубоватый тон особенно мягким, когда она сказала:

– Мы теперь никогда не будем опускать шторы, и я даю вам разрешение смотреть на нас сколько угодно. Мне только хочется, чтобы вы не просто подсматривали, а вместо этого могли приходить к нам. Мама наша так прекрасна, она сделает вам столько добра – целую кучу! – Бет споет вам, если я ее попрошу, а Эми станцует. Мы с Мег рассмешим вас своими театральными сценками, и все вместе замечательно станем проводить время. Неужели ваш дедушка вам не позволит?

– Думаю, позволит, если ваша матушка попросит. Он ведь очень добрый, хотя таким не кажется, и он довольно часто позволяет мне делать все, что мне нравится, только он боится, что я могу беспокоить незнакомых с нами людей, – стал объяснять Лори, все более приходя в хорошее настроение.

– Мы вовсе не незнакомые, мы же соседи! И вы не должны думать, что можете нас беспокоить. Мы хотим познакомиться с вами поближе, и я уже так долго пытаюсь этого добиться! Мы ведь здесь не так уж давно, как вы знаете, но успели познакомиться со всеми соседями, кроме вас.

– Видите ли, дедушка живет среди своих книг и не очень замечает то, что делается вокруг. А мистер Брук, мой домашний учитель, живет не у нас, поэтому мне не с кем выходить из дому, так что я все дни остаюсь взаперти и изо всех сил стараюсь как-то проводить время один.

– Это ужасно! Вам надо бы сделать над собой усилие и начать ходить в гости ко всем, кто вас приглашает, у вас тогда сразу появится множество друзей и таких мест, куда приятно пойти. И не думайте о своей застенчивости – она очень скоро пройдет, если вы станете выходить на? люди.

Лори снова покраснел, но вовсе не обиделся на то, что его попрекнули его застенчивостью, ведь в самой Джо было столько доброжелательства, что просто нельзя было не принять ее резкие слова с таким же добрым чувством, с каким они были сказаны.

– Вам нравится ваша школа? – спросил мальчик, меняя тему разговора после небольшой паузы, во время которой он молча смотрел на огонь, а Джо с явным удовольствием озирала комнату.

– А я не учусь в школе. Я ведь деловой человек, то есть – «деловая девица»: я прислуживаю двоюродной бабушке, старушка – просто прелесть, пусть будет благословенна ее старенькая душа! – ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы задать еще вопрос, но, к счастью, вовремя вспомнил, что это дурная манера – задавать слишком много вопросов о делах других людей, и, снова его закрыв, почувствовал себя очень неловко.

Джо нравилась воспитанность мальчика, кроме того, она была вовсе не прочь немного посмеяться над тетужкой Марч и стала с живостью описывать суетливую старую даму, ее растолстевшего пуделька, попугая, говорившего чаще всего по-испански, и библиотеку, где сама она так наслаждалась.

Лори был в полном восторге от ее рассказа, а когда она заговорила о том, как некий чопорный старый джентльмен явился к тетужке Марч с предложением руки и сердца и посреди его прекрасной речи попугай Пол, к величайшему смятению старого джентльмена, сдернул с него парик, Лори откинулся на спинку дивана и хохотал так, что из глаз его полились слезы, а одна из горничных просунула голову в дверь гостиной, чтобы посмотреть, что там происходит.

– Ох! – воскликнул Лори, отрывая голову от диванной подушки: лицо его покраснело от смеха и сияло весельем. – Ваши рассказы приносят мне бесконечно больше пользы, чем лекарства! Рассказывайте дальше, прошу вас!

И Джо, окрыленная успехом, разумеется, стала «рассказывать дальше». Она поведала мальчику обо всем: об их спектаклях и планах, о надеждах и опасениях за судьбу отца и о самых интересных событиях в жизни того маленького мирка, в котором обитали сестры. Затем они добрались и до разговора о книгах, и Джо с восхищением обнаружила, что Лори любит книги точно так же, как она, и даже прочел их больше, чем удалось прочитать ей.

– Раз вы так любите книги, – сказал Лори, – пойдемте вниз, взгляните на наши. Дедушки нет дома, так что вам нечего бояться. – И он поднялся с дивана.

– Я ничего не боюсь, – ответствовала Джо, гордо вскинув голову.

– А я бы и не поверил, если бы вы сказали, что боитесь, – откликнулся мальчик, глядя на нее с восхищением; впрочем, подумал он про себя, тут как раз есть все основания бояться, если бы ей пришлось встретиться с дедушкой, когда он сильно не в духе.

Во всем доме было тепло, как летом, так что Лори повел Джо из комнаты в комнату, позволяя девочке задерживаться и рассматривать то, что поражало ее воображение. Так они в конце концов дошли и до библиотеки, где Джо захлопала в ладоши и протанцевала несколько па, как она всегда делала, когда испытывала необыкновенный восторг. Все стены библиотеки были сплошь уставлены книгами; были здесь и картины, и статуи, и изящные разделительные шкафчики, полные монет и разных древностей, и кресла «Слипи Холлоу»[35 - «Слипи Холлоу» – кресло-качалка с высокой спинкой, весьма популярное в США в середине XIX в. Название в переводе с английского означает «Сонная долина».], и удивительные столики, и всякие штуки из бронзы, а лучше всего – огромный открытый камин, весь в старинных изразцах.

– Какое изобилие! – вздохнула Джо, утопая в глубинах велюрового кресла и оглядывая все вокруг с видом совершенного удовлетворения. – Теодор Лоренс, вы должны считать себя самым счастливым человеком на свете, – внушительным тоном добавила она.

– Человек не может жить только книгами, – покачал головой Лори, присевший на край стола напротив нее.

Прежде чем он смог сказать что-нибудь еще, раздался звонок в дверь, и Джо вскочила с кресла, воскликнув в тревоге:

– Святые Небеса! Это ваш дедушка!

– Ну и что же из этого? Вы ведь, как известно, ничего не боитесь! – с некоторым ехидством отозвался мальчик.

– Мне кажется, я все-таки побаиваюсь его – самую малость, не пойму почему, ведь мне мама разрешила, да и вам от этого нисколько хуже не стало, –

призналась Джо, беря себя в руки, но не сводя глаз с двери.

– Мне от этого стало гораздо лучше, и я вам так признателен за все! Боюсь только, что вы устали от разговора со мной. Это было так приятно, что мне никак не хотелось останавливаться, – благодарно произнес Лори.

– Пришел ваш доктор, сэр. – Заглянувшая в дверь горничная поманила Лори прочь.

– Вы не возражаете, если я оставлю вас на минутку? Думаю, я обязан выйти и повидаться с ним, – сказал Лори.

– Не беспокойтесь обо мне, мне тут хорошо, как сверчку на печке, – ответила Джо.

Лори ушел, а его гостя принялась развлекаться по-своему. Она стояла перед прекрасным портретом старого джентльмена, когда дверь отворилась снова, и, не оборачиваясь, Джо решительно произнесла:

– Теперь я совершенно уверена, что мне вовсе не следует его бояться: у него такие добрые глаза, хотя рот суровый, и мне кажется, он выглядит как человек невероятно своевольный. Он не такой красивый, как мой дедушка, но он мне нравится.

– Благодарю вас, мэм, – произнес мрачный голос за ее спиной... Там, к величайшему смятению девочки, стоял старый мистер Лоренс.

Бедняжка Джо покраснела. Она краснела и краснела, пока дальше краснеть стало уже невозможно, а сердце ее забило неприятно быстро при мысли о том, что она мгновение назад произнесла. Целую минуту ею владело дикое желание броситься прочь, но ведь это была бы трусость, и девчонки стали бы смеяться над нею, так что она решила остаться и попробовать выпутаться из этой неприятности, как сумеет. Второй взгляд, брошенный ею на глаза старого джентльмена – теперь уже на живые, под сдвинутыми кустистыми бровями, – убедил ее, что они еще добрее, чем на портрете, к тому же в них горел лукавый огонек, значительно ослабивший ее страх. Мрачный голос был мрачнее прежнего, когда старый джентльмен вдруг после ужасающего молчания спросил:

- Так, значит, вы меня не боитесь, а?

- Не очень, сэр.

- И вы считаете меня не таким красивым, как ваш дедушка?

- Не совсем таким, сэр.

- И я - человек невероятно своевольный, не так ли?

- Я только сказала, что мне так кажется.

- Но несмотря на это, я вам нравлюсь?

- Да. Конечно, сэр.

Этот ответ был явно приятен старому джентльмену. Он издал короткий смешок, пожал Джо руку и, подведя палец ей под подбородок, приподнял ее лицо и стал пристально в него вглядываться, затем, кивнув, отпустил его и сказал:

- Вы унаследовали дух вашего деда, хотя лицом на него не похожи. Он был очень красивым человеком, моя милая, но что еще важнее - он был храбр и честен, и я горжусь, что был его другом.

- Спасибо, сэр.

И Джо снова почувствовала себя как дома, потому что все это было как раз в ее духе.

- И что же вы тут делали с этим моим мальчишкой, а? - таков был следующий вопрос, заданный быстро и резко.

- Просто пыталась вести себя как добрая соседка, сэр. - И Джо рассказала, как случилось, что она явилась сюда с визитом.

- Так вы считаете, его надо немного приободрить, так я понял?

- Да, сэр. Он кажется мне немного одиноким, и встречи с молодыми друзьями пошли бы ему на пользу. Мы-то всего-навсего девочки, но были бы рады помочь, если сумеем, потому что мы не можем забыть замечательный рождественский дар, что вы нам тогда прислали, - сказала Джо с искренним чувством.

- Ну-ну-ну! Это мой мальчишка придумал. А как та бедная женщина?

- У нее все идет на лад, сэр. - И Джо сразу разговорилась и принялась рассказывать все, что знала о семействе Хаммель, судьбой которого ее мама сумела заинтересовать своих более богатых, чем она сама, знакомых.

- Точно так поступал и отец вашей матушки, когда творил добро. Скажите ей, я явлюсь к вам в один прекрасный день - повидать ее. А вот и гонг к чаю. Так приходите к нам и продолжайте быть доброй соседкой.

- Если это доставит вам удовольствие, сэр.

- Не приглашал бы, если б не доставляло. - И мистер Лоренс со старомодной учтивостью предложил ей опереться на его руку.

«Интересно, что сказала бы на это Мег?» - думала Джо, когда ее торжественно выводили прочь из библиотеки, а в глазах ее плясали веселые огоньки: она представляла себе, как будет рассказывать эту историю дома.

- Эй, что такое? Что за бесенок вселился в этого малого? - вскричал старый джентльмен, увидев Лори, сбегавшего вниз по лестнице и замершего на бегу при поразительном зрелище: Джо шествовала под руку с его грозным дедом.

- Я не знал, что вы вернулись, сэр, - начал мальчик как раз в тот момент, когда Джо бросила на него короткий торжествующий взгляд.

- Это вполне очевидно уже по тому, как ты прогрохотал по лестнице. Отправляйтесь пить свой чай, сэр, и ведите себя, как подобает джентльмену.

И, дернув внука за волосы, что, по-видимому, означало у него ласку, мистер Лоренс об руку с Джо прошествовал дальше, а Лори за их спиной проделал несколько комических эволюций, которые чуть было не вызвали взрыв смеха у Джо, внезапный и неуместный.

За чаем старый джентльмен спокойно пил свои обычные четыре чашки и говорил очень мало, но внимательно наблюдал за внуком и его гостьей, которые очень скоро принялись болтать, словно старые друзья, и внимательный взгляд деда не мог не уловить в Лори значительной перемены. Щеки внука обрели более свежий цвет, лицо сияло, оно было полно жизни, оживленнее стали все движения мальчика, а в его смехе теперь звучало искреннее веселье.

«Она права, мальчишка и правда одинок. Посмотрим, что эти девчушки смогут для него сделать», – думал мистер Лоренс, приглядываясь и прислушиваясь к сидящей перед ним молодежи.

Джо старику понравилась – ему по душе прилась ее непривычно прямодушная манера вести себя, и казалось, что она понимает мальчика так, будто и сама – мальчишка.

Если бы Лоренсы были, по выражению Джо, «чопорны и придирчивы», она не смогла бы установить с ними никаких отношений, ведь при такого типа людях она всегда делалась робкой и неуклюжей. Но при людях, свободных от этих черт, ведущих себя с другими легко и просто, она вела себя точно так же и производила хорошее впечатление. Когда все поднялись из-за стола, Джо предполагала уйти, но Лори сказал, что хотел бы еще кое-что ей показать, и увел ее в оранжерею, которая была освещена ради ее посещения. Джо показалось, что она попала в волшебный, сказочный мир, когда она стала ходить вверх и вниз по проходам, наслаждаясь сплошными стенами растений, цветущих по обеим сторонам, мягким светом, сыроватым и сладким ароматным воздухом, и великолепными лозами, и деревьями, чьи ветви свисали над нею, в то время как ее новый друг срезал для нее самые красивые цветы до тех пор, пока руки его не переполнились. Тогда он связал цветы в букет и сказал, выглядя при этом таким счастливым, что Джо было приятно на него смотреть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Трансцендентализм – философско-литературное течение, сформированное в XIX в. в США представителями радикальной интеллигенции бостонского «Трансцендентального клуба». Манифестом-эссе движения стал текст Ральфа Уолдо Эмерсона «Природа» (1836). Кроме Эмерсона (1803–1882), к трансцендентализму относятся Г. Д. Торо (1817–1862), Э. Б. Олкотт (1799–1888), Н. Готорн (1804–1864) и др.

Трансценденталисты объединились вокруг журнала «The Dial», просуществовавшего четыре года (1840–1844). По политическим воззрениям они были аболиционистами и индивидуалистами, разделяя культ фронта, т. е. политики освоения западных территорий, что сочеталось с американским патриотизмом и американской мечтой или – в случае разочарования – оборачивалось идеями эскапизма, ухода от реальности. В философии существенное влияние на трансценденталистов оказали идеи Канта и других представителей немецкого идеализма. Христианская религия превращалась у трансценденталистов в свод нравственных идеалов, не требующих для своего осуществления института церкви. Человек рассматривался как полноправный представитель гармоничного и динамичного космического начала, а Природа наделялась неисчерпаемой духовной силой. В приближении к не испорченной цивилизацией природе, в ее интуитивном переживании и разгадывании ее символических смыслов они видели пути нравственного очищения и постижения, по выражению Эмерсона, сверхдуши.

2

Действие романа происходит во время Гражданской войны в США между северными и южными штатами (1861–1865). – Здесь и далее примеч. перев.

3

«Ундина и Синтрам» (авторское название «Ундина», 1811) – роман немецкого писателя и поэта Фридриха де ла Мотт Фуке (1777–1843).

4

Джо, очевидно, имеет в виду туфли, которые можно купить на распродаже армейских излишков.

5

Джо забыла французское слово «vivandière» (здесь: «дочь полка»), которым называли молодых женщин, добровольно взявшихся помогать воинам на поле брани, в госпиталях и всюду, где такая помощь необходима.

6

«Путешествие пилигрима» (полное название «Путешествие пилигрима в Небесную страну») – одно из самых значительных произведений английской и мировой религиозной литературы, созданное английским писателем и проповедником Джоном Баньяном (тж. Беньян, Буньян, 1628–1688). Первая часть книги была опубликована в 1678 г., вторая – в 1684-м. Книга переведена на многие иностранные языки и выдержала бесчисленное количество изданий.

Классический перевод ее на русский язык был сделан дочерью Дениса Давыдова Юлией Денисовной Засецкой во второй половине XIX в. под названием «Путешествие пилигрима в Небесную страну». Современный перевод выполнен Т. Поповой под кратким названием «Путь паломника» и опубликован издательством «Азбука» в 2015 г.

В переводе книги Л. М. Олкотт используются названия мест и имена персонажей произведения Дж. Баньяна из классического перевода XIX века Ю. Д. Засецкой, поскольку язык ее перевода адекватен языку автора романа «Маленькие женщины».

7

Небесный Град – по Дж. Баньяну, Новый Иерусалим, т. е. Царство Божие, достигаемое праведными душами.

8

Аполлион – враждебное существо, встречающее пилигрима в Долине Уничуждения и пытающееся заставить его вернуться назад, в Град Разрушения, где пилигриму и его семье грозит гибель.

9

Помощь – дружественное существо, способствующее пилигриму достичь цели.

10

Христианин – пилигрим, главный персонаж «Путешествия...».

11

«Мерцай, мерцай, звездочка...» – Имеется в виду популярная колыбельная «Twinkle, twinkle, little star» на стихи английской детской писательницы и поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824).

12

В США, как и в Великобритании, в Рождество принято вешать у камина чулок (обычно белый) с подарками для каждого из детей, а также порой и для взрослых.

13

Ах, Боже мой! (нем.)

14

Это хорошо! Дети-ангелочки! (нем.)

15

Санчо – мужиковатый, простоватый человек (ср.: Санчо Панса в романе М. Сервантеса «Дон Кихот»).

16

«Наследник Рэдклиффа» (1853) – роман английской писательницы Шарлотты Мэри Янг (1823–1901), автора исторических книг и трогательных, часто тенденциозно-религиозных романов. Ее многочисленные (160) произведения были весьма популярны в XIX в., но сейчас практически не переиздаются.

17

Такая разница в форме обращения объясняется разницей в возрасте – Мег уже 16 лет, поэтому она упомянута по фамилии, тогда как Джо пока еще недостаточно взрослая для этого.

18

«Христофор Колумб!» – В конце XIX – начале XX в. в США имя великого мореплавателя служило подросткам, в основном мальчикам из «приличных» семейств, ругательством, заменяя запрещенную божбу, то есть использование имени Иисуса Христа, для выражения таких эмоций, как возмущение, испуг, удивление и т. п.

19

Плоечные щипцы употреблялись раньше для горячей завивки волос.

20

Веве – город-курорт на западе Швейцарии, на северном берегу Женевского озера.

21

Как зовут эту юную леди в прелестных туфельках? (фр.)

22

Редова – танец чешского происхождения.

23

Нью-степ – вид чечетки.

24

Старик-водяной (англ. The Old Man of the Sea) – аллюзия на эпизод из сказок «Тысячи и одной ночи», где Синдбад-мореход, решившийся помочь старику, перенес его через воду на плечах, потом никак не мог его сбросить. Устойчивое выражение «the Old Man of the Sea» приобрело значение «надоедливый, прилипчивый человек, от которого трудно отделаться».

25

Аспидная (тж. грифельная) доска – письменная принадлежность, на которой некогда учились писать, решать арифметические задачи и т. п. Имела вид пластины из сланца (аспида), за что и получила свое название. Вышла из употребления в первой половине XX в.

26

В XIX в. разговорной формы «удочерить» не существовало. Сегодня в правовых документах ее также не существует.

27

Уильям Белшам (1752–1827) – английский политический писатель, философ, историк, поддерживавший политику радикальных вигов и выступавший в защиту принципов американской революционной борьбы против владычества Англии. Здесь имеются в виду его «Очерки философии, истории и литературы» (1789–1791).

28

Общество помощи воинам (англ. Soldiers' Aid Society) – сеть добровольных женских обществ (около 20 тысяч), которая была создана на севере США во время Гражданской войны (1861–1865). Они занимались снабжением войск санитарными материалами, теплыми вещами и одеялами, лекарствами и продуктами, помощью больным и раненым на поле боя и в госпиталях. Их роль во время войны была очень велика.

29

Следует помнить, что в то время тело куклы делалось в основном из ткани, набитой опилками или ватой, а голова (иногда также руки и ноги) – из папье-маше. Некоторые же куклы, например Голливог, делались полностью тряпичными.

30

Сверчок на печи – аллюзия на новеллу Чарльза Диккенса «Сверчок на печи» (1845).

31

Петри, тж. Петрея – одна из героинь романа «Дом, или Семейные заботы, или Семейные радости» (1839) – шведской писательницы, путешественницы, поборницы феминизма, педагога-просветителя Фредрики Бремер (1801–1865). Роман был переведен на английский язык в 1843 году, и в том же году Л. М. Олкотт его прочла, о чем имеется упоминание в ее дневнике. Роман был в свое время очень популярен не только в Швеции, но также в Англии и в США.

32

Эми явно имеет в виду деградацию (degradation) одноклассницы, но возможно, и ее унижение (denigration).

33

«Векфилдский священник» (1766) – роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774) стал самой читаемой книгой своего времени и издается до сих пор.

34

«Хижина дяди Тома» (1852) – всемирно известный роман американской писательницы-аболиционистки Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896). Роман, всем своим содержанием призывавший к освобождению негров-рабов, ходил в списках и был впервые опубликован лишь в 1908 г.

35

«Слипи Холлоу» – кресло-качалка с высокой спинкой, весьма популярное в США в середине XIX в. Название в переводе с английского означает «Сонная долина».

Купить: <https://telnovel.com/luiza-mey-olkott/malenzie-zhenschiny-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)